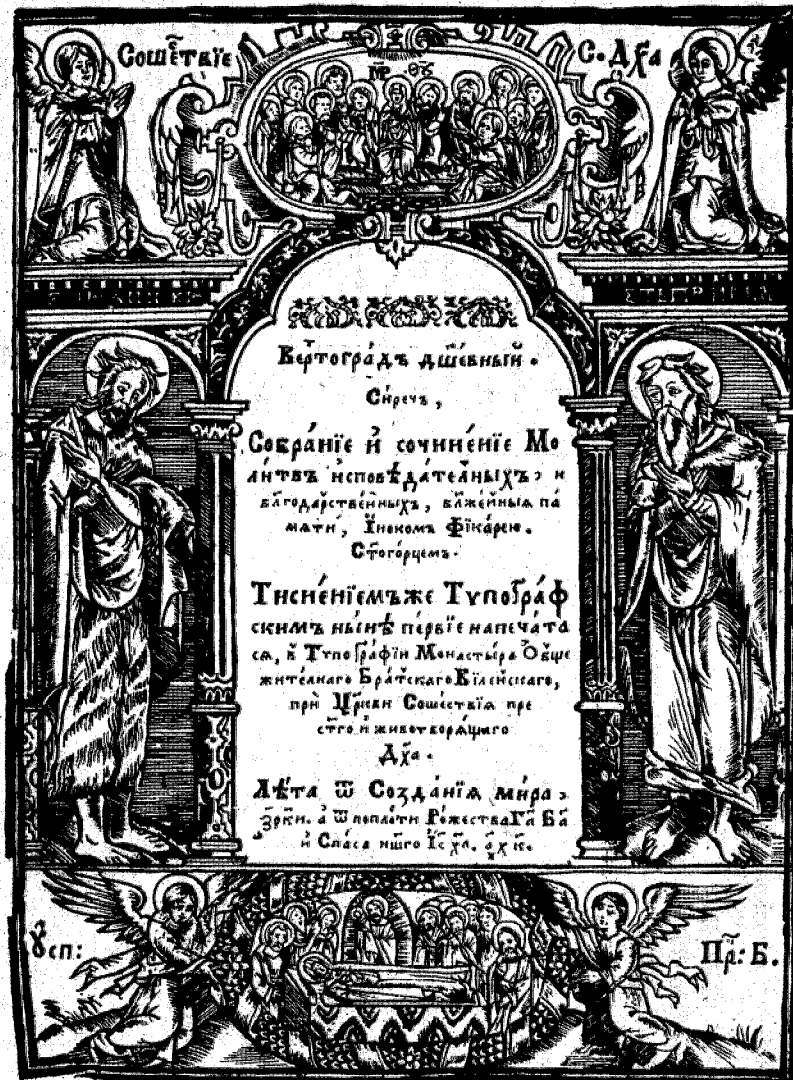

ПУТЬ

Православный альманах издается при храме Христа Спасителя

Нью Йорк

PUT' (THE WAY). Almanac, published by Russian Orthodox Church of Christ the Savior New York. The Orthodox Church in America.

СОДЕРЖАНИЕ

Филладельфийский собор Православной Церкви в Америке

ХРОНИКА РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ

Библейская археология сегодня
Религиозная панорама Америки

Православие

Католическая церковь

Экуменическое движение

Всякие новости

ПЯТЬ ЮБИЛЕЕВ

Сорокалетие московской Патриархии

Кн. Евгений Трубецкой

Мученик Предпоследнего Знания (к 45-летней годовщине со дня смерти Льва Шестова)

Пятилетие понтификата Иоанна-Павла II

Мартину Лютеру — пятьсот лет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

Александр Антонович

Давид Осман

Анри Волохонский

СТРАНИЦА ДЛЯ ДЕТЕЙ

"Одна из щекотливых проказ Макса и Морица"

Анри Волохонский и Алеша Хвостенко по мотивам Вильгельма Буша

ДЕТЕКТИВ.

Г.К. Честертон "Сапфировый крест"

БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ
СЕГОДНЯДОМ, В КОТОРОМ, ВОЗМОЖНО,
ЖИЛ ИИСУС

В Галилее частично раскопан древний дом черного базальта с внутренним двориком, с мелкими камнями, затыкающими в стене щели между более крупными. Археологи полагают, что в этом доме жил Иисус. К этому выводу приводит обнаружение восьмиугольной церкви над домом. Такие восьмиугольные церкви строились ранними христианами на местах, связанных с событиями жизни Иисуса Христа. Археологи приводят в пример восьмиугольную базилику, построенную императором Константином в 4-м веке непосредственно над предполагаемым местом Рождества Христова в Вифлееме. Под восьмиугольной же церковью в Капернауме археологи раскопали дом, построенный в 60-м году до Н.Э., — возможно, дом Петра, в котором останавливался Господь. Все заставляет предполагать, что ныне раскопанный дом локализован правильно, на северном берегу Генисаретского озера, в виду Капернаума, который стал для Иисуса основным местом пребывания во время Его служения. "Через несколько дней опять пришел Он в Капернаум, и слышно стало, что он в доме", — читаем в Евангелии от Марка. По другим версиям перевода, не "в доме", а "дома", т.е. "у Себя дома".

Примерно через двадцать лет

после смерти и воскресения Иисуса, согласно археологическим раскопкам, в доме произошли характерные изменения, сделавшие его отличным от остальных домов. Пол и стены были заштукатурены (единственный случай в древнем Капернауме), а кухонная посуда и хозяйственные принадлежности заменены лампами и большими сосудами. Эти изменения свидетельствуют о том, что дом стал местом регулярных молитвенных собраний или "домашней церковью" иудео-христиан, проживавших в округе.

Это подтверждается и надписями на оштукатуренных стенах, как например: "Иисус — Господь", "Христос, помилуй нас" и многочисленными знаками креста. Восьмиугольная церковь над домом, построенная через триста лет, — еще одно подтверждение этому.

Дом изначально был по тем временам вместительным, но простым одноэтажным строением с неровным мощным каменным полом и с соломенной крышей, крепленной на глине и уложенной на стропилах. Дом находится на расстоянии примерно 25-30 метров от капернаумской синагоги, построенной в 4-м веке на месте той синагоги, где проповедовал Иисус.

Отчет о раскопках, проводимых францисканцами, составлен библеистом-археологом Джемсом Стренджем из университета Южной Флориды и напечатан в "Библейском археологическом обозрении".

ОСЕННИЙ СИНОД ЕПИСКОПОВ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
В АМЕРИКЕ

С 18-го по 20-е октября в Сайо-сете под Нью-Йорком проходила осенняя сессия синода епископов Православной Церкви в Америке. На повестке дня стояло обсуждение решений 7-го Всеамериканского собора, проходившего этим летом в Филадельфии, и путей претворения их в жизнь. Особое внимание, как и на соборе, было уделено вопросам церковного роста и евангелизации; также обсуждались проблемы служения мирян в Церкви.

С докладом о внешних церковных связях Православной Церкви в Америке выступил о.Иоанн Мейендорф, епископ Натаниэл выступил с отчетом об участии делегации ПЦА в 6-ой Ассамблее Всемирного Совета Церквей в Ванкувере, епископ Нью-Йоркский Петр выступил с отчетом о своем участии в работе совместной комиссии Православных и Католических епископов США. Синод принял резолюцию, осуждающую новый, так называемый "бесполой" перевод Библии, предпринятый Национальным Советом Церквей, — перевод, в котором Бог уже не называется Отцом, а называется "родителем", а Сын не называется Сыном, а называется "ребенком".

Епископы Православной Церкви в Америке подчеркнули неприемлемость подобных надругательств над Словом Божиим для православных и осудили всякие попытки сделать Библию бесполой как противоречащие церковному преданию, Священному Писанию и просто здравому смыслу.

пятидесятилетней годовщиной голода 33-34 гг. на Украине:

"В нынешнем году исполняется пятидесятилетие со времени голода в СССР, от которого особенно пострадали жители Украины и Поволжья. В 1932-33 годах от пяти (по минимальным данным) до десяти миллионов мужчин, женщин и детей умерли от голода. Этот голод не случаен, он не был следствием стихийного бедствия или даже ошибок правительства. Он явился результатом целенаправленной социальной политики сталинской коллективизации. Это — политика массового уничтожения, — как по своей нравственной установке, так и по результатам. Все, кто не был загнан в колхозы и совхозы, должны были умереть.

История этого века полна геноцидов, насилия, страдания и смерти. Сместились все понятия о том, что хорошо, что плохо, что допустимо и что недопустимо. Ведь в современном мире политика массового уничтожения определяется не тем, что она — убийство, а все покрывающим термином "социального прогресса" и "будущего счастья человечества". Жизнь мужчин, женщин и детей сегодня служит дешевой валютой, которой платят за иллюзию прогресса и счастья завтра.

Мы протестуем против сведения человеческой личности к средству для достижения цели, якобы оправдывающей любые средства. Мы верим в достоинство каждого человека в жизни и требуем достоинств

Процессия синода епископов на Литургию

Синод также рассмотрел текущие дела церковного управления, продлив канонический отпуск главе албанского диоцеза епископу Марку до весны 84-го года и дав на полгода канонический отпуск епископу Василию Сан-Францисскому. Временным управляющим Сан-Францисской епархии на это время назначен епископ Ситкинский и Аляскинский Григорий.

Синод епископов Православной Церкви в Америке также выпустил следующее заявление в связи с

ва перед Богом для каждого человека и в смерти.

Поэтому мы не можем забыть, и не забудем жертв голода, искусственно созданного государством в 1932-33 годах. Мы солидарны со всеми пострадавшими от лишений, голода и принявшими смерть. Мы объединяемся в молитве с украинскими общинами во всем мире, помнящими в этом году пятидесятилетие голода. Вечная память жертвам этого голода.

ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ СОБОР ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В АМЕРИКЕ

С 22-го по 26-е августа в Филадельфии проходил Седьмой Всеамериканский Собор Православной Церкви в Америке, посвященный на этот раз теме церковного роста. В работе Собора принимали участие одиннадцать правящих архиереев Православной Церкви в Америке, четыреста пятьдесят делегатов от духовенства и мирян и около 200 наблюдателей.

Впервые в истории Православия в Соборе участвовали женщины, которые составили 29% делегатов от мирян.

Делегаты представляли тринадцать епархий ПЦА вместе с мексиканским экзархатом и растущим числом приходов в Австралии и Южной Америке, и общей сложностью 530 приходов, включающих новые миссионерские общины.

Сегодня Православная Церковь в Америке практически единственная православная Церковь в мире, которая живет на соборных началах. Первым православным американским собором была конвенция духовенства и делегатов от мирян, которую созвал в 1907 году архиепископ американской митрополии Тихон Белавин, впоследствии Патриарх Всея Руси. Начиная с детройтского собора 1924 года, который проголосовал за временную автономию американской митрополии от Москвы в связи с нарушением регулярных связей с центральным церковным управлением, американская митрополия управлялась регулярно созываемыми соборами. В 1970 году, когда Московская Патриархия де юро признала эту фактическую независимость американской митрополии, подписав томос об автокефалии (т.е. поместной независимости и самодостаточности Православной Церкви в Америке), 14-й собор митрополии был провозглашен 1-ым Всеамериканским Собором. С того времени было создано семь соборов.

Представляя Филадельфийский Собор на пресс-конференции Глава Православной Церкви в Америке митрополит Феодосий, сказал:

"Соборы Православной Церкви в Америке созываются каждые три года и являются наивысшей административной властью нашей Церкви. В них участвуют епископы, приходские священники и делегаты от мирян со всего континента. Как члены собора мы отдаем себе отчет в некоторых определяющих чертах нашего Православия:

Хотя православие было принесено в Северную Америку русскими монахами-миссионерами в 1794 году, начиная с конца 19-го века и особенно начала 20-го Православие в Америке жило в истории иммигрантских общин с Ближнего Востока, Балканского полуострова и Восточной Европы.

Сегодня православные Северной Америки не могут быть определяемы как иммигранты. Хотя представители епархий и приходов на Соборе включают православных различных этнических корней: албанцев, арабов, болгар, карпатороссов, греков, румын, русских, сербов, украинцев и алеутов, среди обращенных в Православие есть представители практически всех рас и этнических групп мира. Это отражается на разнообразии среди епископов, духовенства и мирян. Этническое разнообразие в сочетании с новообращенными американцами придает нашей Церкви специфически американский характер.

Разумеется, мы — маленькая церковь на американской религиозной сцене. В Соединенных Штатах и Канаде известно 355 тысяч христианских приходов, из них лишь 1900 — православных. Маленькой церкви трудно влиять на американское общество. Эта трудность усилена разделенностью самой православной церкви на различные юрисдикции. Таким образом, будучи полностью едины в православной вере, учении, таинствах и литургии, мы не объединены в миссионерстве, воспитании и общественном свидетельстве.

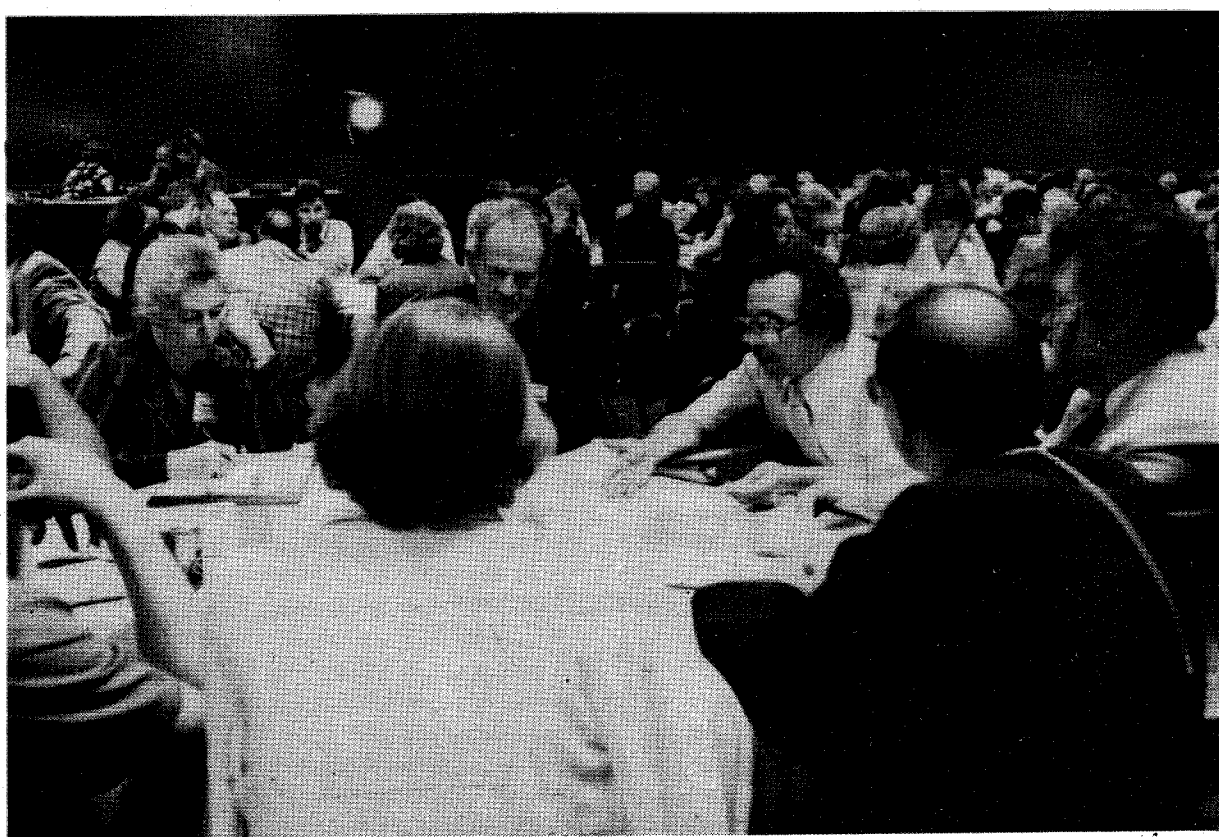
Мы убеждены, что в Северной Америке, насчитывающей около 61 миллиона неверую-

щих, активное свидетельство православия необходимо. В Восточной Европе тоталитарные режимы преследуют церкви и миссионерские возможности Церкви там органичены. На Ближнем Востоке Православная Церковь существует в мусульманском окружении при его общественно-политическом господстве. В Америке же возможность православного свидетельства открыта и принадлежит нам. Мы должны укреплять свою волю к свидетельству и к тому, чтобы быть услышанными. Мы обязаны организоваться и найти средства для этого. Мы надеемся, что этот Собор станет для нас поворотным пунктом. Он должен открыть нашим приходам более широкие вне-этнические горизонты соборности. Только тогда православный взгляд на религиозные, этические и социальные явления станет убедительным для американского общества".

За пять дней работы Собор должен был рассмотреть и обсудить работу разных церковных отделов, комиссий и советов, избрать новых должностных лиц и принять разные резолюции, касающиеся внутренней жизни Церкви и ее позиции в американской и международной религиозной и общественной жизни. Поскольку Церкви приходится заниматься самыми разнообразными нуждами верующих, то необходимы группы специалистов, компетентных в разных областях. Всего таких групп в Православной Церкви в Америке 17. Это отделы: капелланства, экономического развития, внешних сношений, истории и архивов, информации и общественных отношений, литургической музыки, миссии, религиозного образования, служения мирян.

Кроме того, есть следующие советы и комиссии: совет богословского образования, юридически-консультативный совет, благотворительный совет, медицинский консультативный совет, пенсионный совет, предсоборная комиссия, литургическая комиссия и комиссия по пасторату.

Собор должен был выбрать новых должностных лиц в Митрополичий Совет и ревизион-

- Участники Собора приветствуют о. Александра Шемана
- Митрополит Феодосий, глава Православной Церкви в Америке входит в часовню на богослужение с о. Даниилом Хубиаком, секретарем ПЦА
- Семинар на тему евангелизации и церковном росте, который проводился во время Собора в дискуссионных группах.

ную комиссию. В Митрополичий совет входят представители от мирян и духовенства из каждой епархии. Совет помогает проводить в жизнь решения, принимаемые на соборах. Он собирается раз в год и занимается организацией и поддержкой административной структуры Церкви. Совет также способствует постоянным межепархиальным контактам, обмену информацией и контактам епархий с центральным церковным управлением.

Работа Собора опиралась на интенсивную литургическую и молитвенную жизнь его участников. Каждый день начинался с Божественной Литургии, в 7.30 утра, на которой присутствовали почти все делегаты и почти все причащались св. Тайн. После нее начинались утренние заседания. Перед вечерними заседаниями служили вечерню и рабочий день заканчивался исповедью в 10.30 вечера.

Основная работа Собора проходила в различных секциях, в которых слушались и обсуждались доклады разных комиссий. На пленарных же сессиях принимали резолюции, касающиеся различных церковных проблем и религиозно-общественных вопросов современности. Так Собор принял резолюцию в поддержку коптского православного духовенства, требующего освобождения из монастыря и восстановления в патриарших правах главы Коптской Православной Церкви в Египте Папы Шенуды который был низложен вопреки всем церковным канонам президентом Садатом. Кроме того, были приняты резолюции о справедливости и мире, о религиозных правах в Советском Союзе и о православных христианах на Ближнем Востоке.

Резолюция о религиозных правах и правах человека в Советском Союзе гласила:

Мы, делегаты 7-го Всеамериканского Собора Православной Церкви в Америке, выражаем свою глубокую озабоченность судьбой православных христиан и прочих верующих в Советском Союзе. Мы особенно озабочены тем фактом, что вожди религиозного возрождения находятся в тюремном заключении. Среди них о. Глеб Якунин, основатель Христианского Комитета Защиты Прав Верующих; представители православной молодежи: Александр Огородников и Владимир Порещ, редактор православного альманаха "Надежда" Зоя Крахмальникова.

Мы обращаемся к советским властям с просьбой освободить этих узников совести, заключенных за исповедание своей веры. Их заключение нарушает Хельсинкское соглашение и другие международные договоры, подписанные Советским Союзом.

Мы также выражаем глубокую озабоченность судьбой дьякона Владимира Русака, лишённого права дьяконского служения и возможности продолжать свое исследование в области современной истории Русской Православной Церкви.

Мы, наконец, озабочены тем, что декларация свободы вероисповеданий в Советском Союзе остается на бумаге: действительные ограничения и преследования верующих противоречат ей. Как сообщают верующие в письмах и открытых обращениях, у них отбирают Библии. Также известно и документально подтверждено, что Библии конфискуют и у христиан с Запада, привозящих их с собой в качестве подарка своим друзьям в России. Право обладания Библией — необходимое элементарное условие для религиозной свободы на любом уровне. Очевидно, что советские власти не относятся серьезно к собственным декларациям религиозной свободы.

Более того, мы утверждаем, что истинная свобода неделима, это есть свобода для всех, что очевидно из поведения людей, не называющих себя верующими, но бесстрашных и совестливых, как академик Андрей Сахаров, — защищающий права всех граждан, включая и

Митрополит Феодосий с гостем Собора Джорджем Галлопом Младшим, президентом Галлопского Института Общественного мнения.

преследуемых за веру. И мы, верующие, становимся на защиту прав Сахарова и требуем окончания его ссылки.

Как православные христиане США и Канады, — стран, состоящих во многих международных организациях вместе с СССР, — мы призываем советское правительство к соблюдению на деле его собственных деклараций религиозной свободы советских граждан.

Хорошо зная, что исповедники веры — это ядро Святой Христовой Церкви, мы, делегаты Всеамериканского Собора Православной Церкви в Америке, выражаем свою христианскую и молитвенную солидарность со всеми христианами по всему миру, которые исповедуют живую веру в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа и Имя Его перед лицом гонений, пыток, арестов, унижений, издевательств и лишения элементарных религиозных свобод.

Отдавая отчет в том, что Православная Церковь не может не высказаться по насущнейшему вопросу о мире и разоружении, который горячо обсуждается на всех уровнях политическими, общественными и религиозными организациями свободного мира, Собор принял следующую резолюцию "О мире и справедливости":

"Святая Церковь всегда придавала большое значение справедливости, правам человека и сохранению мира между государствами и народами. С одной стороны, Церковь всегда молится "о властях", с другой же, она всегда с нуждающимися: вдовами, сиротами и пленными, с находящимися под судом, на каторге, в изгнании, "во всякой нужде и обстоянии". Наш мир исполнен человеческого унижения, часто являющегося следствием эгоизма сильных и богатых и власти жестоких режимов.

Нам, христианам, ясно, что эти явления в мире есть не просто результат политических превратностей, но следствие неприятия людьми Спасения, пришедшего через Иисуса Христа, и пренебрежения к Царству Божьему, которое является для нас единственным упованием. Поэтому наша борьба не политическая, так как она — не против "плоти и крови, но против духов злобы поднебесных" (Еф.6:12).

Однако будучи гражданами свободного общества с правом говорить и действовать свободно, мы это право должны использовать в согласии со своей верой и любовью ко всем людям, а особенно к жертвам несправедливости и жестокости. Каждый православный свободен выбирать свою личную политическую позицию, Церковь лишь дает ему ориентир в иерархии духовных ценностей в истине.

В прошлом многие, включая и христиан, ошибочно полагали, что справедливости можно достичь насилием и войной. Угрожающий прогресс технологии, особенно в области ядерного оружия, доказывает эфемерность таких рас-

счетов. Если бы сегодня началась мировая война, от общества, да, возможно, и от самой нашей планеты, ничего, скорее всего, не осталось бы. Поэтому, поскольку справедливость и мир не могут быть достигнуты насилием, то мы уповаем на их достижимость единственно реальными духовными средствами. Святая Церковь — страж этих духовных идеалов и перед нами, как перед христианами, стоит задача: защищать их.

Большинство христиан видят растущую угрозу миру и понимают, что мира без справедливости быть не может. Резолюцию об этом принял Всемирный Совет Церквей на последней Ассамблее в Ванкувере.

Однако в конкретных примерах нарушения справедливости Всемирный Совет Церквей оказался односторонним и пристрастным. Осудив несправедливость и насилие в Западном мире, он не упомянул о нарушении прав человека, об изоляции и преследовании верующих в коммунистических странах. По каким бы причинам Всемирный Совет Церквей ни умалчивал об этой несправедливости, это свидетельствует о его политической односторонности, что аннулирует нравственную ценность его утверждений. Однако это односторонность ни в коей мере не определяет нашу церковную позицию, хотя Православная Церковь в Америке и входит во Всемирный Совет церквей. Мы исполнены решимости всегда защищать справедливость и милосердие и особенно в вопросах религиозной свободы.

Эти соображения определяют наше отношение к ядерному оружию и разоружению. Хорошо понимая, что ядерная война недопустима, мы поддерживаем реалистические усилия, направленные на полное упразднение ядерного оружия. Фантастические средства, уходящие на ядерное, равно как и на обычное оружие, в то время, как многие в нашем мире умирают от голода и страдают от нужды, есть иллюстрация того, что сумасшествие господствует в человеческом обществе. Но основным препятствием к прекращению ядерного вооружения является взаимное недоверие двух сверхдержав. Только взаимное доверие может сделать возможным проверку мер по разоружению и, следовательно, постепенного сокращения арсеналов. Без возможности проверки на месте стремление к разоружению бесплодно. Результатом такого разоружения, даже если оно и будет достигнуто, станет мир без справедливости. Если христиане и могут играть какую-то роль в достижении мира и справедливости, то эта роль в том, чтобы разрушить барьеры искусственно разделяющие людей и в том, чтобы защищать религиозную и интеллектуальную свободу. Разделенность людей и ограничение свободы — вот настоящие причины взаимного недоверия обществ и государств, причины, имеющие тенденцию приводить к разрешению взаимных проблем путем насилия и войн. Нам не нужно называть здесь все страны в этом виноватые. Большинство из них коммунистические, однако, тоталитарные диктатуры существуют и в других странах. Некоторые из них даже прикрываются христианскими ценностями в угнетении собственного населения.

Будучи свободной Православной Церковью в трагическом современном мире двадцатого века, мы обязаны поддерживать справедливость и мир в их взаимосвязанности, честно, не прибегая к соображениям политической выгоды.

Да пошлет нам Господь в своей бесконечной Премудрости Своего Святого Духа, чтобы вести нас на путях мира".

Кроме резолюций, посвященных общественным и церковным вопросам, Собор занимался разработкой эффективных методов православного свидетельства в американском обществе. В частности на Собор был представлен доклад, который на основе опроса пятисот православ-

ных, обратившихся в православие за последние тридцать лет, показал, каков основной контингент американцев, приходящих к православному веру. Это был первый опрос обращенных в православие в зрелом возрасте, проведенный американской Церковью. Проведенный частными средствами прихожан храма Христа Спасителя в Нью-Йорке Сарой Ловт-Моррис, он не мог претендовать на исчерпывающий характер, однако, показал интересную картину. Оказалось, что 30% всех принявших православие перешли из католичества, 21% — из епископальной Церкви, 14 1/2 % были до принятия православия неверующими. В эту категорию входили и не верующие, секулярные, а не религиозные евреи. 8% перешло из лютеранства, 6 1/2 % — из методизма, 6% — из пресвитерианства, 4 1/2 — из других евангелических церквей и 4% — из баптистов.

Доклад также назвал причины и мотивы, которые привели этих людей в Православие, наиболее популярные книги, знакомящие с Православной Церковью и те стороны православной веры, которые наиболее притягивают иноверцев и неверующих.

Собор постановил регулярно проводить подобные опросы и наладить статистические исследования, необходимые для успешного православного свидетельства.

В связи с общей тематикой Собора посвященной церковному росту и православному свидетельству в американском обществе перед делегатами выступил крупнейший специалист по американскому статистическому и демографическому опросу Джордж Галлоп, который последние несколько лет усиленно занимался религиозной статистикой в Соединенных Штатах.

Галлоп — епископал, президент Галлопского института Общественного Мнения и исполнительный директор принстонского центра религиозных исследований, в своем выступлении, посвященном религиозному уровню американского общества и миссии христианских церквей, заявил, что церкви должны пересмотреть свои религиозные программы, если они хотят быть ловцами человек.

Галлоп сказал, что следующие 20 лет могут принести Америке религиозное обновление, если церкви смогут найти каналы приложения религиозной направленности американского народа.

Он считает, что американцы изголодались по глубине и осмысленности жизни, что большинство американцев верят в Бога и Христа, но не знают, как Его исповедывать, как жить по вере. Хотя восемь американцев из десяти называют себя христианами, не более четырех знают о Нагорной проповеди. Четверо из десяти "невоцерковлены", т.е. не являются членами какого-либо прихода или общины и не ходят на церковные службы, хотя они и не враждебны церкви. "Помочь этим людям жить по вере, — сказал Джордж Галлоп, — вот основная задача Церкви сейчас. Церкви необходимо заботиться "о частном": создавать маленькие молитвенные группы, группы по религиозному образованию. Многие американцы чувствуют себя одинокими и неприкаянными и с радостью пришли бы в церковь, если бы их пригласили".

Соотнесясь с темой Собора — "Возрастания Церкви", Галлоп призвал православных делегатов — родителей и священников объединить свои усилия по воспитанию молодежи. Девять из десяти американцев желали бы, чтобы их дети получили религиозное воспитание. Согласно опросам, семье для своей стабильности приходится опираться на духовно-религиозные ценности. Перед церквями и, в частности, перед Православ-

ной Церковью в Америке, огромное поле деятельности.

Собор еще раз продемонстрировал возможности православной Церкви в свободной демократической стране. Дух свободы и соборности духовенства, мирян и епископата, царил на Соборе. Резолюции свободно предлагались и обсуждались на общих пленарных сессиях. Только одна резолюция, положительно принимающая генетическую инженерию, за которую проголосовало большинство делегатов, была отвергнута синодом епископов, который отложил ее для дальнейшего богословского изучения и более ответственного формулирования. Практически все остальные решения принимались простым большинством голосов.

Обращаясь к делегатам Собора, глава Православной Церкви в Америке архиепископ Вашингтонский, митрополит всея Америки и Канады Феодосий призвал делегатов осознать миссионерские задачи Православия.

Православная Церковь в Америке указал митрополит, перестает быть церковью лишь эмигрантов из разных православных стран, она становится органической частью американского общества, которое само раздирается неверием, различными этическими и религиозными заблуждениями, многочисленными проблемами. Православие далее не может стоять в стороне, ограничиваясь исключительно сохранением своего этического наследия. Американское общество ждет православного свидетельства. Осознать свое призвание к этому свидетельству и нести это сознание во все приходы и учреждения нашей Церкви — вот задача, стоящая перед всеми делегатами. Главная цель Филадельфийского Собора — перевести на язык Православной Церкви в Америке вечный призыв Христа: "Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам".

ХРОНИКА

ДРЕВНЯЯ ХАНААНСКАЯ СТЕНА

Археологи в Иерусалиме откопали массивную закладку ханаанской крепости и достигли самого раннего исторического уровня города и цивилизации более чем пятитысячелетней давности. Глава группы, профессор Еврейского университета в Иерусалиме, сообщил репортерам, что крепость, построенная царем Давидом, заложена на крепости, еще большей, чем та, которую Давид захватил около 1000-ного года до Рождества Христова.

После шестилетних раскопок археологическая группа Шилоха открыла 25 слоев цивилизаций, которые подобно фотоальбому дают обзорное представление о ежедневной жизни Иерусалима в ходе его многотысячелетней истории. "Мы не пытаемся доказать или же дискредитировать Библию", — сказал Шилох. — Мы интересуемся всей историей, включая и библейский период". Однако многие находки подтверждают описание библейских событий. Так археологи нашли много кукол-амулетов, много женских фигур с открытой грудью, изображающих богинь плодородия и принадлежащих израэлитскому периоду. "Нас это не удивляет, — говорит Шилох, — Библия подробно описывает борьбу пророков

с языческими культурами в Израиле".

Панорама торговых связей древнего Иерусалима видна в осколках сандалового дерева из Сирии или Южной Турции, использовавшегося для декоративной резьбы в изготовлении мебели. Шилох говорит, что почерневшие куски дерева, возможно, являются остатками мебели, сгоревшей во время разрушения Иерусалима и Соломонова Храма вавилонянами в 586 г. до Р.Х.

Ханаанский город, захваченный Давидом, был построен на Западном склоне Кедронской долины. Раскопки находятся неподалеку от северо-восточного угла стены Старого Города 16-го века и будут включены в археологический сад, куда входят и строения эпохи Иисуса Христа.

Наиболее ранние строения, обнаруженные при раскопках, восходят по древности в 3 200-му году до Р.Х., когда племена иудейских гор стали впервые собираться в поселения и города. По мере развития Иерусалима, известного тогда под именем Иевус, он распространялся вверх по склону долины в гору. "Внешняя сторона, — говорит Шилох, — была заброшена и дошла до нас в своем первоначальном древнем виде".

Ничего не осталось от крепости,

построенной Давидом на вершине горы, кроме ступенчатой стены, похожей на сторону пирамиды. В этом году Шилох сделал разрез одной из секций для того, чтобы открыть стену более древней крепости, построенной шестью террасами.

Раскопки Града Давидова продолжаются и принесут еще много интересного и необходимого для лучшего понимания Библии.

ЖИВОЙ ПАМЯТНИК ХРИСТАНСКОЙ ДРЕВНОСТИ В СИРИИ

В спрятанном в горах двухтысячелетнем селении Маалула жители все еще говорят по-арамейски, на языке, на котором впервые была произнесена молитва Господня "Отче Наш", написаны библейские книги Эзры и Даниила и недошедшая до нас версия Евангелия от Матфея. Из-за изолированности Маалулы до нее не добрался в 7-м веке Ислам и ее не коснулись религиозные войны. Местные историки говорят, что христиане избрали эту отдаленную местность в западной Сирии, спасаясь от преследований. Первые жители построили церковь в память Саркиса-воина, казненного римскими легионерами

за его обращение в христианство. Монастырь Мар-Саркис стоит уже 1700 лет высоко на скалах. Арамейско-язычные христиане составляют крошечное меньшинство в стране, где 85% — мусульмане и 99% говорят по-арабски. Жизнь, известная лишь по книгам, — реальность в Маалуле, которая по-арамейски значит "врата восхождения". В церкви византийской архитектуры сохранилась фреска 5-го века — Божией Матери с Младенцем. В Маалуле — 1600 жителей.

В ПОИСКАХ НОЕВА КОВЧЕГА

Бывший американский космонавт, евангелист Джеймс Ирвин, убежден, что он близок в месту пристанища Ноева Ковчега на Араратскую гору.

Летом этого года Ирвин принял второе восхождение на Арарат с группой археологов с целью обыскать снежные и обледеневшие вершины Араратских гор, на которых, по его убеждению, до сих пор находится Ковчег.

Ирвин заявил турецким репортерам, что даже его путешествие на Луну не было столь утомительным и столь вдохновляющим, как эта его экспедиция в поисках

БИБЛЕЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ СЕГОДНЯ

Ноева Ковчег. "Я верю, что Ковчег — здесь и я во что бы то ни стало найду его," — сказал Ирвин.

В августе прошлого года Ирвину не удалось совершить восхождения из-за физического по-

вреждения, полученного в экспедиции. Его вторая экспедиция в этом году началась 18-го августа.

Он разбил лагерь на высоте почти 4 тысячи метров над потухшим вулканом. К экспедиции из-за близости советской границы была при- ставлена турецкая охрана.

Арат был закрыт для иностранных альпинистов несколько раз. Последний раз с 1972 по 1982 год, когда Советский Союз объявил, что шпионы под прикрытием туризма используют гору для наблюдений. Группа Ирвина — третья из восходивших после снятия запрета в августе прошлого года.

Местные турецкие власти говорят, что дескать, была тут пара групп американских туристов, искавших Ковчег, но о них ничего толком неизвестно. Одна из экспедиций под предводительством Рая Джулия из Калифорнии совершила восхождение, но никаких следов Ковчег не нашла.

ХРОНИКА

РОСТ ЧЛЕНСТВА АМЕРИКАНСКИХ И КАНАДСКИХ ЦЕРКВЕЙ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Статистика американских и канадских церквей за 1981 год показывает, что членство в этих церквях возросло за 1981 год на 2,69%. Всего стало 138.453.000 членов, прибавление за год составило 3.450.600 членов.

БЕДНЫЕ БОЛЬШЕ ДРУГИХ ЖЕРТВУЮТ НА ЦЕРКОВЬ

Недавний Галлопский опрос показал, что бедные дают значительно больше денег в пропорциональном отношении на церкви и благотворительные организации, чем богатые. Опрос показал, что семьи с доходом от 50 до 100 тысяч долларов в год дают на церкви от одного до двух процентов своего дохода, тогда как семьи, зарабатывающие меньше пяти тысяч долларов жертвуют почти пять процентов дохода на церкви и благотворительные цели.

КАК АМЕРИКАНЦЫ ОТНОСЯТСЯ К ИИСУСУ?

Опрос, проведенный недавно институтом Галлопа, показывает, что американцы в подавляющем большинстве крепко верят в этическую и духовную миссию Христа,

но весьма расходятся в толковании Его природы и значения.

Из числа опрошенных 42% сказали, что они верят, что Иисус — это Бог, пришедший в образе человека, а 62% заявили, что они не сомневаются в том, что Иисус вернется на землю. Три четверти опрошенных считают, что Иисус жив и пребывает на небесах, но при этом три пятых не знают, о чем говорится в Нагорной проповеди.

Согласно другим результатам, полученным службой исследования общественного мнения Роберта Шуллера — самого популярного в Соединенных Штатах телевизионного проповедника — две трети американцев считают Иисуса "кем-то" божественным, 71% "углубляют с Ним личные отношения", а две трети считают, что они должны принять Иисуса, чтобы получить вечную жизнь. Девять из десяти сказали, что они находятся под влиянием Иисуса как учителя нравственности, 57% опрошенных сказали, что они стараются во всем следовать учению Иисуса.

81% АМЕРИКАНЦЕВ ВЫСТУПАЕТ ЗА ВВЕДЕНИЕ МОЛИТВЫ В ШКОЛАХ

Согласно опросу Галлопского института общественного мнения

большинство американцев — за введение добровольной молитвы в государственных школах Соединенных Штатов.

Из каждых опрошенных десяти человек восемь знали о спорах вокруг молитвы в школах, а из них 81% поддерживает предложение ввести добровольную молитву. 5% воздерживается от суждения по этому вопросу. 14% — против. Дебаты по этому вопросу начались еще в 1962 году, когда Верховный Суд Соединенных Штатов постановил, что организованная молитва в государственных школах противоречит закону об отделении Церкви от государства.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ РАССКАЗЫВАЕТ О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ

В этом году американские телезрители увидели передачу на необычную тему: есть ли жизнь после смерти. Несколько американских исследовательских групп, состоящих из медиков и психологов, работает над изучением опыта людей, прошедших через клиническую смерть. Ученых, большинство из которых разделяет материалистическое мировоззрение и не верит в существование души, поразило согласие в отчетах людей, описывающий свой посмертный опыт.

Все чувствовали как они внезапно отделяются от тела и парят над ним в воздухе, вспоминали, что в этот момент они ощущали неопределимое освобождение и нежелание возвращаться в тело.

На этом свидетельства расходились. Одни ощущали себя погруженными в темноту, другие свидетельствовали, что видели ослепительный свет, идущий к ним через подобие туннеля, по которому они начали восхождение. Третьи вспоминали о том, что видели некое светлое существо, которое к ним приближалось, распространяя на них сильное ощущение любви и покоя. Любовь, покой и освобождение — наиболее часто встречающиеся слова в описании ощущения людей, когда они пытались передать свое чувство о разлучении души от тела.

На вопросы телезрителей к прошедшим через клиническую смерть, почему же они не хотят вернуть себе это состояние через самоубийство, те отвечали, что опыт смерти радикально изменил все их отношение к жизни. Они ощущают свое назначение в жизни быть проводниками того чудесного света и любви, который они ощутили на пороге смерти.

Надо сказать, что околосмертный опыт случался с людьми независимо от их верований, многие атеисты прошли через опыт смерти, хотя он повлиял на обращение ряда людей к Богу.

Врачи, занимающиеся исследованием околосмертного опыта, включая тех из них, которые не верят в загробное существование, говорят, что наука в данный момент не способна дать объяснение этим околосмертным явлениям.

ХРОНИКА

ПРАВОСЛАВНАЯ ИКОНА ПРОДОЛЖАЕТ ЗАВОЕВЫВАТЬ ЗАПАД

Сегодня уже никто не удивляется, если бывший испанский абстракционист дает в Лондоне уроки православной иконописи католическим монахиням и англиканским священникам и мирянам. В апрельском номере английского журнала "Таблет" помещена репродукция рублевской Троицы с подписью "Предвечное самоприношение Троицы — вот тема этой иконы икон, приписываемой величайшему художнику русского средневековья". Репродукция служит иллюстрацией к статье, рассказывающей о росте популярности православной иконы среди англичан, и в частности об иконописной мастерской, которая пользуется все большей известностью и привле-

кает множество студентов, основанной в Лондоне выпускником Барселонского университета и Школы Изысканных Искусств в Париже Рамос-Поки.

Сам сорокалетний Рамос-Поки обратился к вере благодаря знакомству с православной иконографией. В шестидесятые годы он занимался абстрактной живописью. Потом он открыл икону как форму искусства и заинтересовался ею, потому что она требовала строжайшей художественной дисциплины. Работая над иконами, он вновь открыл в себе духовное измерение и возвратился к вере, которую оставил в юношеский божемный период своей жизни. Воспитанный в старой традиции испанского католического благочестия, он никогда ранее не изучал Библии, но теперь иконографическая символика заставила его подробно исследовать Писание. Рамос-

Поки говорит, что икона заставила его по-новому смотреть на раннее христианское искусство, поскольку в иконографии он нашел прямую преемственность длительной христианской традиции. В этом году на Пасху иконописные работы его мастерской, уже известные в Англии, были впервые показаны на выставке икон в Ирландии.

ДАНИЛОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ ПЕРЕДАН МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

Этим летом ТАСС сообщило, что советское правительство решило удовлетворить просьбу Русской Православной Церкви и передать ей в пользование "Архитектурный памятник" — Даниловский монастырь в Москве. В Даниловский монастырь будет переведен

административный центр Патриархии. В храмах и служебных помещениях будут проведены все необходимые реставрационные работы. Отчет об этой передаче монастыря Русской Православной Церкви приведен в информационном бюллетене Отдела Внешних сношений Московской Патриархии. Патриарх Пимен послал председателю совета министров СССР письмо, выражающее советскому правительству благодарность за "дар".

Даниловский монастырь — старейший из московских монастырей. Он основан в конце 13-го века к югу от Кремля, на правом берегу Москвы-реки князем Даниилом Московским, старшим сыном Александра Невского.

Мощи св. князя Даниила Московского в течение десятилетий хранились церковью "Непоминаю-

ПРАВОСЛАВИЕ

щих" в России и недавно были переданы ею Православной Церкви в Америке.

В 80-м году они торжественно были встречены в храме Христа Спасителя в Нью-Йорке, а затем перенесены в Сайосет, под Нью-Йорком, где находится административный центр Православной Церкви в Америке.

ГРЕЧЕСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПЛАНИРУЕТ ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА

Греческая конституция признает Православную Церковь государственной. Государство финансирует Церковь, тогда как последняя осуществляет различные юридические и административные функции. Социалистическое правитель-

ство Папандреу готовит реформу, по которой Церковь будет отделена от государства и значительная часть церковной земельной собственности будет конфискована. Церковь будет освобождена от административных и юридических функций и ограничится духовным окормлением населения. Правительственная программа заявляет, что полное отделение Церкви от государства даст ей возможность про-

должать свою деятельность свободно и независимо от светской власти, позволит ей рассчитывать на собственные силы и на здоровую и демократическую внутреннюю организацию.

Правительство, имеющее значительное большинство в парламенте, рассчитывает получить широкую народную поддержку этой реформы, а также согласие консервативной оппозиции.

ХРОНИКА

РЕВИЗИЯ КАНОНИЧЕСКОГО ПРАВА

Недавно Папа Иоанн-Павел II подписал новый кодекс канонического права. Последняя ревизия канонов Католической Церкви была проведена в 1917-ом году. Новый кодекс короче, в нем 1700 канонов. В кодексе 17-го года было 2414 канонов.

Новый кодекс — результат двадцатилетней работы 93 кардиналов, 62 епископов, 109 священников и 14 мирян. Они провели 2116 встреч на разных стадиях обсуждения кодекса в Ватикане. Ревизия учла также предложения от мирян, духовенства и религиозных орденов всего мира. Папа просматривал последние поправки к проекту с осени прошлого года.

Новый кодекс вдохновлен Вторым Ватиканским Собором. Как и

прежние кодексы, он регулирует религиозную жизнь и нравственные нормы католиков. Но он отходит от традиционной католической концепции Церкви как законной институции и приближается к пониманию Церкви как духовного тела. В нем сильнее выражено богословие церковной ответственности в деле служения человеческим нуждам верующих.

Сближаясь с православным пониманием Церкви, новый кодекс подчеркивает основное равенство всех крещенных в участии в жизни и миссии Церкви. Он дает возможность мирянам проповедывать с разрешения местного епископа. При невозможности найти священника епископ также может разрешить мирянам крестить и совершать браки. В общем, кодекс формирует благовествующую Церковь, черпающую свой авторитет

в Христовой любви и пастырском попечении.

Возвращение к православной структуре выражается также в децентрализации и возвышении роли епископата. Новый кодекс предусматривает национальные и областные конференции епископов и увеличивает роль епископского синода за счет ограничения власти коллегии кардиналов.

Во многих вопросах местного значения поместные церковные власти и верующие приобретают большую свободу действий и большее право голоса. Ответственность за решение местных проблем падает на местных епископов. Именно в соответствии с новым кодексом латиноамериканские епископы говорят о социальной справедливости, канадские — критикуют экономическую стратегию своего правительства, а североа-

мериканские выступают против гонки вооружений.

Сближение с православием выражается и в допущении большей свободы дискуссий между мирянами и иерархией. Впервые отмечаются право свободы собраний, выяснений, обсуждений и мнений в церковной общине, право выбора духовного образа жизни. Кодекс предусматривает возможность диспутов мирян с церковными властями и епископами.

Новый кодекс также снисходительнее к грешникам. Последний кодекс 17-го года включал 37 причин для отлучения, нынешний кодекс называет лишь семь, увеличивая возможность и подчеркивая важность покаяния.

Новый кодекс Римской церкви является важным шагом канонического сближения католицизма с православием.

ХРОНИКА

ШЕСТАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ АССАМБЛЕЯ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА ЦЕРКВЕЙ

С 24 июля по 10 августа в Ванкувере в Канаде проходила VI генеральная ассамблея Всемирного Совета Церквей, на которую собрались около 900 делегатов, представляющих 300 протестантских и православных церквей, и 400 наблюдателей. Православие было представлено 150 делегатами из всех поместных Церквей.

Хотя Католическая Церковь не входит в Совет Церквей, она послала 25 наблюдателей. Папа Иоанн-Павел II прислал свое приветствие Ассамблее, в котором сказал, что ее тема "Христос — жизнь мира", близка всем христианам и что ее работа свидетельствует о возрастающей тяге всех христиан к исполнению Христовой молитвы о том, чтобы все "были едино".

Ассамблея действительно сделала существенный шаг к христианскому единству. Главный богословский документ, принятый на Ассамблее, предлагает основу для христианского воссоединения, близкую православному богословию. Документ, говорящий об общехристианском принятии Крещения, Евхаристии и Служения, вос-

ходит к раннехристианской традиции первых восьми веков, т.е. еще неразделенной Церкви. Он признает как крещение младенцев, так и крещение взрослых, поскольку и то, и другое практиковалось ранней Церковью. Определение Евхаристии, принятое Ассамблеей, отступает от протестантского и приближается к православному. Избегая средневекового католического учения о преосуществлении документ говорит о "реальном присутствии Христа Распятого и Воскресшего в освященных Хлебе и Вине. В соответствии с православным преданием эта вера в реальное присутствие опирается не столько на сакраментальную власть священства, сколько на убеждение в силе Святого Духа и Живого Слова Христова. В вопросе об апостольском служении документ рекомендует тройную иерархию епископов, священников и дьяконов, но предполагает, что преемственность Таинства и Слова есть более явный знак апостольской преемственности, чем непрерывность епископских рукоположений.

Документ призывает к взаимному признанию духовенства разных исповеданий в качестве ступени на пути к органическому

воссоединению существующих церквей.

Этот документ был с интересом принят католиками. Ватикан разослал его всем католическим епископам с рекомендацией изучить его богословие и прислать отзывы в Рим. По словам видного католического богослова — это первый случай, когда католическим епископам предлагается на рассмотрение догматический документ, пришедший не из Рима.

VI Ассамблея ВСЦ снова оживила надежду, что близится время, когда христиане соберутся на первый после VIII века, действительно вселенский собор.

Если богословие Ассамблеи характеризуется экуменическими достижениями, то ее политические резолюции отразили традиционно просоветскую настроенность Всемирного Совета Церквей.

Всемирный Совет Церквей часто подвергался критике за политическую однобокость, за молчание перед лицом коммунистических гонений на религию. Руководство Совета продолжало оправдываться тем, что присутствие многочисленных делегатов из коммунистических стран затрудняет критику их правительств, которая, якобы, может привести к выходу подкоммунистических церквей из Совета.

На этот раз несколько христианских группировок пытались поднять на Ассамблее вопрос об отсутствии религиозной свободы в коммунистических странах. Так собравшаяся в то же время в Ванкувере на международную конференцию по Гонимой Церкви организация "Крисчиан Солидарити Интернейшннал" с центром в Женеве, обвинила Всемирный Совет Церквей в том, что тот избегает прямого обличения нарушения прав верующих в СССР и Восточной Европе. Председатель "Крисчиан Солидарити Интернейшннал" настоял на встрече с генеральным секретарем Всемирного Совета Церквей доктором Поттером и пытался убедить последнего поднять на Ассамблее вопрос о положении религии в коммунистических странах.

Другая организация, Центр по Изучению Религии и Прав Человека в закрытых обществах, также призвала Совет рассмотреть случаи нарушения прав верующих, в частности — случай арестованного председателя Московского Комитета в Защиту Прав верующих — о. Глеба Якунина.

Делегаты Ассамблеи получили

ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

два самиздатских обращения из СССР, одно от "Христианского комитета по защите прав верующих", другое — от дьякона Владимира Русака. Оба документа свидетельствовали о том, что в Советском Союзе продолжают преследования верующих и что зарубежное представительство Московской Патриархии в действительности служит целям атеистического режима и предает интересы Церкви и верующих.

Хотя и на этот раз Всемирный Совет Церквей отказался открыто осудить религиозные преследования в Советском Союзе, косвенно этот вопрос был затронут. Др. Поттер, генеральный секретарь заявил, что религия явно ограничена в атеистическом, материалистическом государстве, где церкви хотя и могут функционировать, но не могут делать многого, что является нормальным в демократических странах".

В своих окончательных резолюциях VI Ассамблея ВСЦ осудила ядерное оружие, призвала к разрешению проблем Ближнего Востока, в частности проблемы палестинцев и в весьма умеренном тоне поддержала призыв генерального секретаря ООН к завершению "Афганского конфликта, посредством вывода советских войск из Афганистана".

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ПАТРИСТИКЕ

В начале сентября в Оксфорде в Англии проходил 9-й конгресс по писаниям и преданию Отцов Церкви. Инициатором таких патристических конгрессов в 1951 году был профессор Кросс, с тех пор эти конгрессы проходят каждые четыре года. В этом году первая лекция на конгрессе, прочитанная профессором из Западной Германии д-ром Лилиенфельд, была посвящена св. Нине, просветительнице Грузии. Др. Лилиенфельд обратила внимание на исключительную и до сих пор недооцененную роль женщин в ранней церкви.

На конгрессе обсуждались экзегетические труды Св. Отцов и святоотеческие эсхатологические концепции (т.е. их учение о конце света). Особое внимание было уделено богословской полемике Св. Отцов с еретиками, отражавшей степень интеллектуальной сознательности исповедания веры в ранней Церкви с 3-го по 7-ой век.

Патристический конгресс отразил экуменические устремления современного христианства в поисках корней своего богословия.

В конгрессе участвовали православные: русские и греки, католики, англикане и протестанты, евангелисты и фундаменталисты. Основная тема конгресса — это история мысли, посвятившей себя обращению в христианство древнего мира.

ПРАВОСЛАВНЫЕ, КАТОЛИКИ И ПРОТЕСТАНТЫ ПРИХОДЯТ К БОГОСЛОВСКОМУ СОГЛАШЕНИЮ ОБ ИСПОВЕДАНИИ ОСОБОЙ РОЛИ БОГОМАТЕРИ

На шестом международном мариологическом конгрессе, проходившем в сентябре на Мальте, была принята совместная декларация богословов разных исповеданий: православных, католиков, лютеран и реформистов, — посвященная исповеданию особой роли Девы Марии среди святых. Как известно, особое почитание Богоматери существует лишь в православной и католической церквях. Протестанты отказывались от почитания Богоматери на том основании, что в Священном Писании нельзя найти следов такого почитания. Нынешний мариологический конгресс, придя к соглашению о роли Пресвятой Девы, стал существенным шагом в сближении церквей. В Декларации говорится, что место Девы Марии среди святых особенно "в силу отношения к ней Христа... и потому признание этого места относится к области Христологии". Декларация определила свое понимание молитвенного предстояния святых, как вида "молитв, приносимых верными друг за друга". Декларация православных, католиков и протестантов заявляет, что все христиане могут молиться Богородице, хотя она и оговаривается, что придти к Отцу можно лишь через Сына, Который, потому и есть единственный источник Спасения.

Мариологический конгресс превратился в национальное событие. На его заключительном богослужении присутствовало сто тысяч мальтийцев, т.е. треть всего населения острова.

ПЕРВАЯ ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ МИССИОНЕРСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С 27-го по 30-ое сентября в Ходдстоне в Англии проходила первая экуменическая миссионерская конференция. В ней участвовало около ста пятидесяти священников, монахов, монахинь и мирян — миссионеров, представителей Католической, Англиканской и Протестантской Церквей. Тема конференции — обмен опытом миссионерской деятельности. Она обсуждалась в исследовательских и дискуссионных группах, участники делились личным опытом миссионерства. Каждый день начинался с совместной молитвы. Ходдстонская конференция — первый опыт экуменической координации миссионерской деятельности.

БОГОСЛОВСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ КАТОЛИКАМИ И ЛЮТЕРАНИМИ

Группа американских католических и лютеранских богословов, собравшаяся на встречу в Милуоках, пришла к выводу, что

учение об Оправдании Верой не должно быть больше причиной разделения христиан. В коммюнике, выпущенном в конце сентября, группа заявила, что она отдает себе отчет в различии католической и лютеранской традиций в толковании учения об оправдании, но что это различие "не раскалывает Церковь". Группа собирается выпустить меморандум, подробно объясняющий природу богословских выводов, приведших ее к соглашению.

Группу поддержали Национальная конференция католических епископов и американский национальный комитет Лютеранской Всемирной Федерации. Группа была основана в 1965-ом году при возникновении формального богословского диалога между двумя церквями. Она уже опубликовала совместные документы по вопросам: Никейского Символа Веры, Крещения, Евхаристии как жертвы, Евхаристии как служения, папства и непогрешимости учительского авторитета в каждой из двух церквей.

СЪЕЗД ПРОТЕСТАНТСКИХ ЦЕРКВЕЙ ОБ ОТНОШЕНИИ К КАТОЛИЦИЗМУ

Недавно во Франции проходил съезд протестантских церквей Европы, посвященный отношению церкви Реформы к современному католицизму.

Съезд выпустил Декларацию, которая назвала ряд неприемлемых для Реформы черт современного католицизма. Среди них: "Возрождение форм популярного благочестия, несовместимых с Евангелием;

— Подход к личной этике, создающей род империализма Церкви по отношению к обществу (как было отмечено в документе, это часто является грехом и самих протестантов);

— Нежелание католических учреждений внедрять реформы II Ватиканского Собора;

— Отсутствие в католических заявлениях отражения плюрализма богословских взглядов внутри самой современной Католической Церкви".

Конференция предложила следующие пять пунктов, которые католицизму следовало бы принять для достижения "настоящего экуменического контакта":

— Богословское утверждение, что у Бога нет заместителей, но есть лишь свидетели;

— Принятие абсолютного авторитета Священного Писания;

Признание неизменности и постоянства Благодати Божией;

Признание потребности Церкви "приспосабливаться" и реформироваться;

Наконец, признание общности священства всех верующих".

В Съезде, созванном Конференцией Протестантских Церквей в Латинский Странах, приняли участие делегаты из Франции, Бельгии, Испании, Португалии и Италии.

ЭКУМЕНИЧЕСКАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ О ЗНАЧЕНИИ МАРТИНА ЛЮТЕРА

В ходе подготовки к 500-летию юбилею Мартина Лютера 10-го ноября этого года западногерманская экуменическая протестантско-католическая комиссия признала Лютера "свидетелем Христовым". В заявлении комиссии говорится, что со времени начала работы протестантских богословов этого века по переоценке значения Лютера, и католики смогли увидеть учение Лютера в новом свете. По утверждению совместной евангелическо-римо-католической Декларации лютеров призыв к реформе был призывом к покаянию и очищению, а также к возвращению к первичным ценностям Евангелия. В Декларации сказано, что исследования и протестантов, и католиков открыли новые возможности для взаимопонимания обеих сторон в том, что касается роли Лютера как христианского реформатора. Однако болезненные раны от раскола не будут залечены, покуда позитивные стороны Реформации не станут общепринятым понятием. Экуменическая комиссия утверждает, что в этом деле Второй Ватиканский собор уже сыграл большую роль.

ХРОНИКА

ВСЯКИЕ НОВОСТИ

СПРОС НА ХРИСТИАНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ РЕЗКО ВОЗРОС ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

На 34-ом съезде Международной Ассоциации издателей и продавцов христианской литературы было отмечено, что рынок религиозной литературы резко возрос и продолжает расти, поражая своими масштабами издателей секулярной литературы. В этом году для книжной выставки Ассоциации потребовалось более 15-ти километров выставочных стендов, тогда как всего несколько лет назад на съезде выставлялась горсточка изданий, умещавшаяся на нескольких столах.

ПОЛЬСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПЕЧАТАЕТ МОНЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПАПЫ ИОАННА-ПАВЛА II

Польское правительство поручило итальянскому монетному двору производить золотые монеты с изображением Папы Иоанна-Павла II. Неужели режим хотел сделать подарок к приезду Папы? Как бы не так. Польша на грани банкротства. Страна нуждается в валю-

те, а продавать нечего. Правительство решило торговать на Западе золотыми монетами и, чтобы сделать их привлекательнее для покупателей, напечатать на них портрет Папы.

СВАЗИЛЕНД, МБАБАНЕ

ФУТБОЛЬНАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЗАПРЕЩАЕТ КОЛДОВСТВО
НА ФУТБОЛЬНОМ ПОЛЕ

Местная федерация футбола учредила штраф в размере 450 дол-

ларов с любой команды, прибегающей к колдовству на игровом поле. Команды часто рассчитывают на магию и считают, что их колдун так же важен, как и тренер. Довольно часто можно видеть зрителей или игроков, кропящих перед матчем знахарским составом ворота противника.

Местный глава Федерации, назначивший штраф, объявил колдовство "бесовщиной" и высказал опасения, что колдовство приведет к серьезному насилию. Часто на поле происходят драки между болельщиками, ставящими свои амулеты и отнимающими их у противоположной стороны.

ПЯТЬ ЮБИЛЕЕВ

В то время как у верующих в Москве на обысках отнимаются Библии и иконы, патриарх Московский преподносит иконы в Нью-Йорке от лица русских верующих. Советская печать одновременно призывает к усилению атеистической пропаганды и объявляет о поездке делегации Русской Православной Церкви на всемирную конференцию "по защите мира".

Откуда эта двойственность?

Ответ на это дает нынешний юбилей, сороклетие соглашения советского государства с Русской Православной Церковью.

В начале сентября 1943 года в Москве, в особняке митрополита Сергия Страгородского собрался собор из семнадцати оставшихся на свободе епископов и 12 сентября, в день Александра Невского, в Елоховском соборе произошла интронизация вновь избранного патриарха, каковым стал митрополит Сергей. После восемнадцатилетнего перерыва Русская Церковь вновь увенчалась патриархом.

Так пишет А. Левитин-Краснов в книге "Рук твоих жар" о возрождении Московской Патриархии в том виде, в котором она существует на сегодняшний день, смущающая многих, заставляющая снова и снова спрашивать, кому служит Московская Патриархия больше — Богу или его врагам.

В этой статье постараемся взглянуть на историю этого соглашения конкордат церкви с атеистической властью.

Но прежде всего расскажем со слов того же А.Э. Краснова-Левитина о знаменательном событии, которое предшествовало маленькому собору — а именно, избранию патриарха — о встрече в Кремле 4 сентября 1943 года Сталина с тремя митрополитами: Сергием Страгородским, Алексием Симанским и Николаем Ярушевичем, с которыми и было заключено соглашение, возродившее Московскую Патриархию в том виде и с тем политическим направлением, которые существуют и по сей день.

Незаменимым источником для нашей истории служат воспоминания Левитина-Краснова. Если первый том мемуаров Левитина-Краснова "Лихие годы" рассказывает о творческой, духовно богатой и разнообразной жизни Церкви, находившейся в полукатакомбных условиях, и о ее окончательном разгроме в предвоенные годы, то второй том воспоминаний, охватывающий период с 41-го по 56-й год, говорит о ее чудесном воскресении в военные годы, о крутом повороте советской политики и о возникновении централизованной, консервативной и послушной государству Церкви, управляемой Московской Патриархией и Советом по делам религий.

К началу войны церковная организация была почти полностью разрушена. Несколько оставшихся на свободе архиереев ютились в крошечных квартирках. Митрополит Ленинградский Алексей Симанский жил в двух комнатках на колокольне, патриарший местоблюститель митрополит Сергей, тяжело больной, жил с келейником и секретарем патриархии в эвакуации в Ульяновске. Все заботы секретаря патриархии ограничивались тем, что купить на рынке и сварить на обед. Так продолжалось до 1943 года. В августе 1943 года, как пишет Левитин, в газетах промелькнуло известие, на которое никто толком не обратил внимания: в Москву приехал архиепископ Йоркский. Но это событие означало переломный момент для Русской Церкви. Как реальный политик Сталин понимал, что антирелигиозная политика мешает широкой помощи Советскому Союзу со стороны союзников. На это не раз прямо

и косвенно указывал Рузвельт. Антирелигиозная политика СССР тревожила американскую и английскую общественность, и, как стало ясно в дальнейшем, не без основания, держала в страхе население европейских стран, куда предстояло войти советским войскам.

Тогда и было принято решение изменить политику по отношению к Церкви: дав Церкви ограниченную свободу и восстановив ее организационно, использовать ее в советских внешнеполитических целях. Левитин описывает встречу Сталина с оставшимися на свободе ведущими иерархами РПЦ. Встреча произошла так. Чтобы собрать в один день и привезти митрополита Сергия в Москву для свидания со Сталиным, в Ульяновск был послан крупный чекист и специалист по церковным делам Карпов. Сын священника, окончивший Киевскую духовную академию со званием магистра богословия, Карпов, будучи следователем ГПУ по церковным делам, в 20-х годах вел дело митрополита Сергия, находившегося в заключении в 26-27 годах. Этот-то Карпов и был послан, чтобы собрать и привезти митрополита. По приезде митрополита в Москву его поселили в роскошный особняк в Чистом переулке, который раньше был личной резиденцией германского посла графа Шуленбурга и где в 1939 году во время своих визитов останавливался Риббентроп. 4 сентября за митрополитом Сергием и двумя другими иерархами, митрополитами Николаем и Алексием, заехал автомобиль из Кремля.

"Через десять минут, — описывает Левитин-Краснов, — автомобиль въехал в Кремль, а еще через десять минут они вошли в обширный кабинет, где за столом сидели два человека, широко известные по портретам: Сталин и Молотов.

Обменялись рукопожатиями, уселись. Беседу начал Молотов сообщением о том, что правительство СССР и лично товарищ Сталин хотят знать нужды Церкви. Два митрополита, Алексей и Николай, растерянно молчали. Неожиданно заговорил Сергей, перед поездкой в Кремль он запасся слуховым аппаратом, который ему прислали из-за границы и которым он никогда не пользовался. Митрополит заговорил спокойно, изредка заикаясь, деловым тоном человека, привыкшего говорить о серьезных вещах с самыми высокопоставленными людьми.

Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количество которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также заявил о необходимости созыва Собора и выбора Патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных училищ, так как у церкви отсутствуют кадры священнослужителей.

Здесь Сталин неожиданно прервал молчание: "А почему у вас нет кадров? Куда они делись?" — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексей с Николаем смущались под этим пристальным взглядом зеленых глаз: всем было известно, что "кадры" перебиты в лагерях. Но митрополит Сергей не смущился. Выдержав взгляд зеленых глаз, старик ответил: "Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза". Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: "Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о вас". Затем стал вспоминать семинарские годы, вспомнил инспектора, который обладал необыкновенной способностью разыскивать припрятанные семинаристами папиросы. Затем Сталин сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он

не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер. Затем, после чаепития, началась деловая беседа. Беседу эту можно назвать в полном смысле слова исторической. Во время этой беседы были вырабатаны устав Русской Церкви и те условия, в которых она существует до настоящего времени.

Как известно, этот порядок в настоящее время вызывает много справедливых нареканий, так как означает абсолютное закрепощение церкви антирелигиозным государством. Но в тот момент, после десятилетий террора, направленного против церкви, новый порядок являлся, несомненно, прогрессивным шагом, так как означал возможность легального существования для Православной Церкви.

В конце беседы престарелый больной Митрополит был страшно утомлен. Тут и последовал тот эпизод, о котором упоминает Солженицын. Сталин, взяв Митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподьякон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощанье следующую фразу: "Владыко! Это все, что я в настоящее время могу для вас сделать". И с этими словами простился с иерархами.

За этой встречей следует архиерейский собор, выбравший митрополита Сергия Патриархом. Церковь на глазах восставала из мертвых. Это был переворот, носивший чудесный характер, — пишет Левитин. Вчера бесправные епископы и священники, занимавшие мелкие советские должности, от сторожей до бухгалтеров, стали призываться на церковное служение. Левитин рассказывает привычную для того времени биографию епископа. "О. Леонид Поспелов в тридцатые годы сидит в лагере. В начале войны, выйдя из лагеря, работает кухонным мужиком и уборщиком в оренбургской больнице: старому больному человеку приходится колоть дрова, выносить горшки за больными. И вдруг внезапный переворот в его судьбе. Снова начинают открываться церкви, ввиду нехватки иерархов начинают рукополагать вдовым протоиереям во епископов. Вспомнили и об о. Леониде. И вот кухонный мужик оренбургской больницы получает вызов в Москву. Здесь его экстренно постригают в монахи, с именем Кирилл, а затем рукополагают во епископа Ташкентского и Среднеазиатского. И так, он во главе огромной епархии, на территории которой находится и город Оренбург. При приезде епископа весь горисполком вышел ему навстречу, эмгбисты целовали ему руку. Конкордат был новостью, провинциальные деятели толком ничего не понимали — по обыкновению пересаливали (не все ли им было равно, кому целовать руку)."

Вновь открытые семинарии заполняются самыми разнообразными людьми. Как пишет Левитин, сам поступивший в послевоенную семинарию, здесь можно было видеть старика священника, явившегося завершать когда-то прерванную революцией учебу, провинциального парнишку восемнадцати лет, и простоватого инспектора РОНО и интеллигента, и демобилизованного майора.

В руки верующих возвращается Троице-Сергиевская Лавра. Левитин описывает, как в ночь на Великую Субботу, накануне первого богослужения после открытия Лавры — Пасхальной заутрени, в подвальном храме состоялась передача в руки Церкви останков преподобного Сергия, которые до того были выставлены в качестве экспоната в антирелигиозном музее. Восемь эмгбистов в полной форме, но с непокрытыми

головами, передали в ночное время в руки монахов мощи преподобного, которые и были перенесены в Успенский собор.

Однако за это чудо церковной иерархии пришлось платить высокую цену. В первую очередь эта плата пришла в форме участия церкви в так называемой "борьбе за мир".

Участие Московской Патриархии в этой "борьбе за мир" началось с 48-го года.

Приведем несколько выдержек за разные годы из Журнала Московской Патриархии, иллюстрирующих, до какой степени Церковь лишена самостоятельности в подобных выступлениях. В №1 ЖМП за 1948 год читаем следующую статью архиепископа Войно-Ясенецкого:

"Сейчас — решающий момент мировой истории. Враги мира готовятся к новой войне. Кому это на руку? Это на руку тем, кто хочет повернуть вспять колесо истории. Возможно ли это? Нет, ибо время шагает вперед... Значит, они хотят спровоцировать новую войну? Они хотят достичь своей цели третьей мировой войной, уничтожением миллионов ни в чем неповинных людей атомной бомбой... Однако как ни важны для американцев их виды на мировое господство, как ни силен доллар, это еще не основание для того, чтобы потрясать атомной бомбой. Главная причина — страх перед неизбежным продвижением социализма".

В письме к сыну автор этой статьи архиепископ Лука говорит, что он подписал эту статью под сильнейшим напором со стороны властей. Зачем понадобилась властям подпись архиепископа? Хирург с мировым именем, бескомпромиссный защитник Церкви, епископ, прошедший долгие годы в лагерях и ссылках, Войно-Ясенецкий пользовался известностью за рубежом и уважением в России. Его подпись придавала вес этой явной агитке. В пятом номере Журнала Московской Патриархии за 50-й год опубликована статья, осуждающая "колониальные державы", проливающие кровь в Индонезии, Вьетнаме и способствующие ужасам в Греции, Испании и Южной Корее.

В шестом номере журнала за 55-й год патриарх Алексей заявлял, что "РПЦ всегда поддерживает миролюбивую политику нашего правительства не потому, что она якобы несвободна, а потому что эта политика справедлива и соответствует христианским идеалам, проповедуемым учением Церкви".

И вот почти через тридцать лет в 1983 году ему вторит митрополит Филарет, Председатель Иностранного Отдела Московской Патриархии, который в интервью с иностранными журналистами говорит, что по случайному совпадению мирная политика Московской Патриархии соответствует миролюбивой политике Советского Союза.

Неоднократно подчеркивалось, что внешняя политика Московской Патриархии представляет собой точное, почти фотографическое отражение всех изгибов и зигзагов, которые в международной политике делает Кремль. Возьмем, к примеру выступления ЖМП в №2 за 1980 год:

"Сегодня ясно видно, что процесс разрядки продвигается вперед и ничто не может остановить этот процесс. Реакционные силы могут его замедлить, но не прекратить. Однако мы, защитники мира, обеспокоены этим замедлением. Я имею в виду планы испытания нового американского ядерного оружия среднего калибра в Западной Европе... Общественное мнение Западной Европы усиленно поддерживает разрядку и разоружение. Все громче звучат разумные призывы к принятию советских предложений, предостерегающих против так называемого "евростратегического" кольца эскалации вооружения".

Неплохой язык в устах иерархов, в основном специализирующихся на служении акафистов.

Естественно, что Московская Патриархия никогда не выступает с обращениями к собственному правительству с подобными заявлениями, поскольку сами эти заявления, вероятнее всего, составляются в министерстве иностранных дел. В настоящее время немислимо, чтобы РПЦ организовала пацифистское движение среди православных верующих, направленное на советское разоружение, подобно тому, как это делает Протестантская Церковь ГДР, благославившая пацифистское движение германской христианской молодежи.

Подавляющее большинство русских православных не имеет ни малейшего понятия о той "борьбе за мир", которую ведет от их имени Московская Патриархия, потому что даже ее единственный официальный журнал "ЖМП" не доходит до простых верующих.

Однако как Церковь могла допустить такое поругание, как она могла дойти до такой полной утраты собственного голоса?

Объяснение этому предлагает Федотов в своей давней статье "К вопросу о положении Русской Церкви", написанной еще в 30-м году, когда только-только сформировалась политика компромисса митрополита Сергия.

"Русская Церковь, — писал Федотов, — дала Христу тысячи мучеников. Гонения воспламенили веру и ревность избранного меньшинства. Давно Русская Церковь не знала такого цветения святости, как в наши дни. Мы все с любовью и надеждой взираем на чистую кровь новых мучеников, это "семя Церкви", по словам древнего отца.

И однако, при сравнении нашей эпохи с древне-христианской, не может не поражать один факт: крайняя и всеобщая терпимость по отношению к отступничеству. Если бы к современной России применить древнюю строгость, мало кто мог бы считать себя членом Церкви. В России не требуют воскурения фимиама, но требуют на каждом шагу отречения от Бога. От учителя — атеистической пропаганды в школе, от артиста и художника участия в безбожных спектаклях, изданиях, плакатах и проч., от всех советских служащих и рабочих — участия в процессиях под знаменами с антихристианскими лозунгами. Самая возможность этого свидетельствует о глубокой деморализации, которая господствует в России, верующей и неверующей, а, с другой стороны, об утрате символического сознания. Символ — знак, внешнее выражение веры, исповедание ее перестают казаться вещами важными. Лишь бы иметь Бога в душе. Но это презрение к символу таит большие догматические опасности и вместе с тем угрозу для единства и крепости церковного тела."

Федотов указывает, что в отличие от открытых гонений в Римской империи гонения на веру в России носят скрытый или наполовину скрытый характер. Людей никогда не убивают, и не ссылают, и не арестовывают "за имя Христова". Это делается под прикрытием мнимых политических преступлений. Другое отличие в том, что Церковь в России живет не среди чуждого языческого общества, в чашине близкого и последнего разделения Страшного Суда, но в среде народа, хотя и отступившего от веры, но исконно христианского, судьба которого всегда была неразрывно связана с православием. Русская Церковь не может сбросить с себя ответственности за русский народ. Среди ее гонителей, среди равнодушной массы, отходящей от веры отцов, большинство — ее крещенные блудные сыны, от которых она не может отвернуться.

В этой обстановке, по мнению Федотова, вождям Русской Церкви, во всяком случае патриарху Тихону, менее говорили уроки древней гонимой Церкви, чем национальный опыт монгольского ига с его тяжелой школой унижений, внешней покорности, но внутреннего очищения, собирания духовных сил. Эти два условия и определили решение патриарха Тихона отказаться от борьбы с революционной властью и поставить Церковь на путь аполитического исповедничества. Однако, как пишет Федотов, та форма, в которую патриарх Тихон облек свои исторические акты 23-го и 25-го годов не соответствовала их подлинному церковному значению.

"Изложенные советским стилем, — пишет Федотов, — быть может, продиктованные в советских канцеляриях акты эти с внешней стороны были унижительны для Церкви. Патриарх не допускал в них никакой лжи, но между его мыслью и словом было, несомненно, большое качественное несоответствие. Трудно судить теперь, насколько эта форма была неизбежна: удовлетворились ли бы враги заявлениями, облеченными в более достойные, церковно оправданные слова? Возможен вопрос: не сказалась ли здесь общий в России нашего времени недостаток чувства слова, символа, формы? Слишком легко относятся к сказанному слову, еще легче к напечатанному, к советскому, газетному, которому привыкли не верить. Патриарх, несомненно, знал, что впечатление напечатанных его слов будет невелико,

и эта малость общественного впечатления облегчала его тяжелый компромисс."

Федотов пишет, что митрополит Сергий, местоблюститель патриаршего престола, вначале старался продолжать церковную политику патриарха Тихона, но его декларация 27-го года, явно написанная под давлением ГПУ, была разрывом и изменой этой политике. В ней лояльность к режиму стала пониматься не как аполитичность, а как новый союз Церкви с властью — принципиально атеистической и не прекратившей ни на минуту антирелигиозных гонений. Митрополит расточает этой власти комплименты и обрушивает громы на ее врагов, объявляет борьбу с этой властью противоцерковным делом. По существу митрополит поставил Церковь на сторону сегодняшних победителей. При этом выигрыш для Церкви был мизерен.

Из всех проектов митрополита Сергия осуществилась только легализация Синода. Гонения на Церковь, аресты, ссылки не прекращались. Самое учреждение Синода связано было с обстоятельствами, которые делали сомнительной и его церковную полезность. ГПУ ввело в состав Синода своего агента из числа епископов. Со временем выяснилось и направление синодальной политики, которой покупалось у власти существование нового учреждения. При замещении епископских кафедр предпочтение отдавалось людям компромисса перед стойкими ревнителями. Возвращающиеся из ссылки исповедники, вместо своих кафедр отправлялись в глухие углы. Церковь духовно обескровливалась, теряя лучшие свои силы.

Как указал Федотов, декларация митрополита Сергия не могла остановить новой волны гонений. С 29-го года началось массовое закрытие храмов и аресты православного и даже обновленческого духовенства, которые продолжались, как мы знаем, до самой войны. Федотову было это ясно уже в 30-м году.

"Массовое уничтожение храмов, — писал он, — указывает, что власть теперь не останавливается перед уничтожением культуры, ради сохранения которого митрополит Сергий принес такие жертвы. Для всех ясно, что не изъявлением политической покорности можно купить милость гонителей. Если они останавливаются в своем походе на веру, то исключительно перед силой: народных масс внутри России или мирового давления извне".

И в этой обстановке митрополит Сергий в своих интервью с иностранными журналистами отрицает наличие гонений в России. Так создалась традиция высшего церковного управления лгать, отрицать наличие гонений, клеветать на мучеников и исповедников, проливающих свою кровь или сажаящихся в тюрьмы за Христа, а также клеветать на тех западных христиан, которые выступали в поддержку верующих в России. Федотов называет это предательством по отношению к Церкви мучеников, сравнимым с предательством живоцерковников, которые оправдывались теми же мотивами, что и митрополит Сергий — они думали спасти Церковь.

Так митрополит Сергий создал традицию церковной политики, которая с небольшими вариациями остается политикой Московской Патриархии в течение десятилетий. Однако, что же предлагал Федотов? В 30-м году у него не было определенной программы. Известно, что в своих послевоенных статьях он не осуждал церковного соглашения 43-го года, которое дало некоторую свободу Церкви. Однако новая волна гонений при Хрущеве показала, как хрупко это соглашение и как беззащитна Церковь, особенно если она имеет иерархов, созданных традицией соглашательства и компромисса, лжи и приспособленчества.

Где же выход из того нравственного тупика, в которой зашло церковное управление? Федотов считал еще тогда, что ошибки и грехи иерархов и церковных политиков бессильны уничтожить то богатство святости, которое накопилось в русской Церкви. Кровь мучеников, исповедничество десятков тысяч, незримое подвижничество и жаркие молитвы верующих могут с избытком уравновесить в очах Божиих и в судьбах России эти ошибки и эти грехи.

Церковь за свою историю не в первый раз в кризисе. И только вера в ее Невидимого Главу — Христа всегда была способна выводить ее

из кризисов. И эта сила Христова спасать и указывать выход из безвыходного положения являет себя как в жизни отдельных людей, так и всей Церкви.

Так Левитин-Краснов, описавший официальные пути соглашения иерархии с властью, в том же томе описывает и другой путь церковной жизни в те годы — путь исповедничества и жертвы, на котором тогда, как и в другие эпохи, Христос являл свою помощь и победу. Для самого Левитина 40-е годы не были годами свободы. В 48-м

году он был арестован и свой собственный лагерный срок воспринял как путь монашеского искуса. Левитин пишет, что нигде и никогда он так глубоко и горячо не молился, нигде не чувствовал такой близости к Богу, как в лагере. Здесь, в тюрьме и лагере, снова с небывалой силой воскресает в нем духовная жизнь. Он пишет, что в лагере осуществилась его детская мечта о монашестве. "Суровый, строгий образ жизни. Ночные молитвы. И всюду и везде Христос".

Нельзя не привести в заключение его сновидение в первый день его пребывания в лагере:

"Когда я приехал в лагерь, нас загнали в

холодную, нетопленную баньку на ночь. Прикорнув в уголке, заснул. Вижу сон. Плыву в лодке по реке, по моей родной Неве. Ночь. Небо в звездах. И вдруг посреди реки выхожу из лодки. И иду по реке. Чувствую ледяную воду под босыми ногами. Ощущение настолько реальное, что мне до сих пор трудно поверить, что то был сон. Иду и удивляюсь. Здесь же два-три человеческих роста. Подхожу к берегу, к тому месту, где стоял когда-то небольшой каменный храм, построенный в память цусимской катастрофы. Называлась церковь "Спас на водах". И кто-то в белом подает мне с берега руку. Спас на водах. Спаситель. С Ним прошел весь лагерный путь. Всю жизнь".

ПЯТЬ ЮБИЛЕЕВ

23 сентября этого года исполнилось 120 лет со дня рождения кн. Евгения Николаевича Трубецкого, замечательного русского религиозного мыслителя, ученого и общественно-политического деятеля.

Князь Евгений Трубецкий вместе со своим братом Сергеем Трубецким, также известным философом и общественным деятелем, были ближайшими друзьями Владимира Соловьева. Евгений Трубецкий находился долгое время под его сильным влиянием. В 1913-м году он издал свою книгу "Миросозерцание Владимира Соловьева" в двух томах, которая по сей день является самым полным исследованием его философии.

Однако в большей степени, чем его учитель и другие последователи Соловьева, Евгений Трубецкий был вовлечен в общественную и политическую жизнь. Юрист по образованию, православный христианин по вере и сознанию, Трубецкий затратил несколько лет на изучение политической философии западного христианства, которой он посвятил две монографии: о политической философии Блаженного Августина и о религиозно-общественном идеале средневекового католицизма. Плодом его занятий юриспруденцией является его книга по философии права — "Энциклопедия права".

В 1906 году Трубецкий основал партию политического центра, которую он назвал "Партией мирного обновления", и которая ставила программу умеренных реформ и искала средний путь, который мог бы стать приемлемым и для монархических кругов и для либеральной интеллигенции. Тогда же он начал издавать "Московский еженедельник", журнал, совмещавший политику с религией и введший церковные и религиозно-философские вопросы в мир политической публицистики.

"Московский еженедельник", издававшийся с 1906 по 1910 год, стал журналом "веховского направления", в котором публиковались участники знаменитого сборника о русской интеллигенции "Вехи" и их единомышленники. В 1911 году Трубецкий стал одним из организаторов первого свободного религиозно-философ-

ского издательства "Путь", которое издавало Бердяева, Булгакова, Флоренского и других религиозных мыслителей. В этом издательстве и сам Трубецкий выпустил свою критику кантианства "Метафизические предположения познания", которую можно назвать опытом православной гносеологии.

Революционная катастрофа еще более углубила религиозное мировоззрение Трубецкого, которое он выразил в своей последней философской книге "Смысл жизни".

Кн. Евгений Трубецкий всегда был активным церковным деятелем. В 1906 году он избирается в Предсоборную комиссию, готовившую созыв Всероссийского поместного Собора, в 1917-18 гг. он вместе со своим сотрудником на ниве религиозной философии и публицистике Сергеем Булгаковым, принимает участие в работе Всероссийского Собора РПЦ.

Умер Евгений Николаевич Трубецкий 23 января 1920 года скоропостижно во время эпидемии тифа, в Крыму, отступая вместе с Белой армией.

"Выражением всего своего миросозерцания и плодом всей своей жизни" Евгений Трубецкий назвал свою книгу "Смысл жизни". Написанная в разгар революции, она выдержала три издания. В предисловии автор так объяснял ее возникновение:

"Внешним поводом настоящего труда являются мучительные переживания мировой бессмыслицы, достигшие в наши дни необычайного напряжения. Когда была написана его первая глава, катастрофа, ныне постигшая Россию, только надвигалась и была мучительным предчувствием. Слышались отдаленные раскаты грома приближающейся грозы. Теперь Россия стала очагом мирового пожара, угрожающего гибелью всемирной культуре.

Все общественные связи у нас держались связями религиозными. Когда эти последние ослабели, человек человеку стал волком, и все общественное здание рухнуло. Религия есть то, что связывает людей воедино. Когда она перестает их связывать, они друг другу — либо враги и соперники, либо случайные союзники

в целях ограбления и эксплуатации других людей.

Жизнь человеческая безбожна не в одной только России. Пусть мне назовут хотя бы одну страну мира, которая не была бы под угрозой всеобщей эпидемической заразы массового безверия. Если эта эпидемия не остановится в своем течении, если народы не соберутся вновь вокруг забытых алтарей, то рано или поздно для всех стран пробьет тот грозный час великого страшного испытания, который уже пробил в России".

Кн. Евгений Николаевич Трубецкий

Русскую революцию и установление коммунистического режима Трубецкий называет проявлением крайнего практического безбожия. По его убеждению, темные силы хаоса в каждом человеческом обществе до поры до времени сдерживаются частью светлыми, духовными силами, частью же внешней дисциплиной или унаследованными от предков преданиями и навыками. Когда эти сдержки слабеют, огонь поглощает созревшее для гибели. Когда вспыхивает этот огонь, как вспыхнул он в России после мировой войны, никто не может знать, где он остановится и остановится ли вообще. Катастрофическая ломка всех основ жизни, озверение культуры, распад жизненной ткани становится в наш век универсальным явлением. На примере русской катастрофы Трубецкий провидел содержание всего нашего века.

"На наших глазах, — писал он, — апокалиптическое видение

зверя, выходящего из бездны, облекается в плоть и кровь: господствующая в современной жизни тенденция выражается именно в превращении человеческого обществения в усовершенствованного зверя, попирающего всякий закон Божеский и человеческий: к этому результату ведут головокружительные успехи современной техники, с одной стороны, и столь же головокружительно быстрое нравственное падение человека и человечества, с другой".

В колеблющемся под ногами мире надо возвращаться к вечным религиозным основам жизни, к смыслу жизни. Но как найти этот смысл? И есть ли он вообще. Трубецкий отвергает две крайности: рационалистическое безверие и мистический алогизм, т.е. религиозность, отвергающую разум, знание, человеческую культуру. По его мнению, обе крайности сходятся в одном: в утверждении пропасти между религиозной верой и светской культурой.

Однако может ли слабая и грешная человеческая мысль постигнуть Бога, если Он есть, найти Его и утвердиться в Нем? Кн. Евгений Трубецкий утверждает, что человеческий разум способен найти религиозный смысл в окружающей бессмыслице и способен утвердиться в Боге. Анализируя понятия "смысл", "сознание", "совесть", он показывает, что в русском языке они образованы из корней в некотором роде синонимичных "мысль", "знание", "вещь", с прибавлением приставки "со", означающей некоторую собирательность, общезначимость, соборность. Невозможны были бы никакие частные мысли и знание, если бы не было общезначимой мысли. "Со-знать, — пишет он, — именно и значит осмыслить, т.е. отнести к какому-нибудь объективному, общезначимому смыслу. Трубецкий показывает, что подобно тому, как вечность является необходимым условием времени, так всеединое сознание Бога есть условие нашего человеческого сознания, протекающего во времени. Наше сознание больше всех своих изменчивых состояний потому, что оно на самом деле поднимается над ними к некоторому общезначимому смыслу, который стоит над временем. Как человеческое ухо не слышит фаль-

ши, если оно не чувствует гармонии, так и мысль наша не могла бы сознавать бессмыслицу, если бы она не была озарена Божественным смыслом.

Но как человеческому разуму взойти к Богу? Не является ли восхождение ума другой вертикальной линией устремления человеческого духа, тогда как материальные, земные устремления могут быть выражены горизонтальной линией. Для Е. Трубецкого обе эти линии, выражающие два основных направления жизненного стремления: горизонтальная и вертикальная, скрещиваются и крест оказывается наиболее универсальным и схематически точным изображением жизненного пути. Поэтому мы должны искать смысл жизни не в горизонтальном или вертикальном направлении, взятых отдельно, но там, где они скрещиваются.

И пересекаются они в христианстве. Христианская вера есть вера во Христа — совершенного Бога и в то же время совершенного человека. Божество воплощенное и Божество, являющееся в человеческом образе известно и многим другим религиям. Но христианство — единственная из всех религий, в которой ни Божеское не поглощает человеческого, ни человеческое — Божеского; и то и другое естество пребывает во всей своей полноте и целостности в соединении. Человек, соединяясь с Богом, тут же растворяется в Нем, а, наоборот, восстанавливает разрушенную страданием и смертью целостность своего существа, достигая полноты и совершенства. Победою на кресте упраздняется дурная бесконечность

и дурная периодичность смерти. В противоположность богам натуралистических религий, периодически умирающим и периодически воскресающим, Христос единожды умер и воскрес; в Нем упразднен самый закон всеобщего периодического умирания. В Нем весь мир от человека до низших ступеней творения должен раз навсегда воскреснуть.

Трубецкой объясняет, как в Христовом воскресении находят свое оправдание и исполнение горизонтальные и вертикальные линии жизни. Сбравшись вокруг человека, весь мир, вся тварь объединяется в единый храм Божий. Трубецкой указывает на жития святых, окруженных птицами и животными, на примере которых восстанавливается дружественное и подчиненное отношение животных к человеку, и на примеры прославленной иконописи, например, иконы, как "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь", на которой изображается собор всей твари, включая ангелов, людей, животных и растений, вокруг Богоматери, и "Всякое дыхание да хвалит Господа", где вся вселенная: люди, ангелы, звери, птицы, райская растительность и светила небесные окружают Христа, изображенного в центре небесных сфер.

Откровение этой грядущей, преобразенной телесности воспринимается христианством в ярком образе Преображения Христова. Никакого другого тела, кроме одухотворенного живого, в грядущем космосе быть не должно: для мертвого вещества в нем нет места, ибо в Боге все живет

Вертикальная же линия выражается в образе "Вознесения Христа"

— которое есть олицетворение надежды всех человеческих душ и оправдание всего их духовного полета, их стремления взойти к Богу.

Однако, если спасение так доступно, то чем можно объяснить наличие и даже видимое торжество зла в мире? Христианство отвечает: Бог дал человеку полную свободу, даже свободу восстать против Бога, учинить ад.

Христианское понимание любви, по мысли Трубецкого, находит свое высшее выражение в словах Христа к апостолам на Тайной Вечере: "Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его, но Я назвал вас друзьями, потому что открыл вам все, что слышал от Отца Моего".

Божественная любовь хочет иметь в человеке не автомата, а друга. В этом и есть оправдание свободы: без свободы нет дружества, а без дружества нет любви. Существо, лишенное свободы, т.е. возможности самоопределения, не могло бы быть свободным сотрудником Божиим, соучастником Его творческого акта. Если бы человек не мог бороться против Бога, он не мог бы быть Ему и другом. Если бы не было у человека этой способности сопротивления, его подчинение Богу было бы не добровольным. Оно было бы действием пассивного орудия, а не друга. Откровение этой истины запечатлено в замечательном библейском рассказе. Избранным народом Божиим становится не народ-невольник, а Израиль — народ, борющийся с Богом. Любить Бога действительно может только тот, кто способен действительно ему сопротивляться.

Но отпадающее от Бога человечество в своем богоборчестве теряет свою свободу, подпадает в рабство греху, и тогда открывается лишь один путь спасения, искупления во Христе, который предлагает Церковь. В Церкви человек может сочетаться с Христом двоякими узами: в свободе, как друг Божий, и в обновленной природе, как новая тварь и как член Тела Христова. На вопрос о том, как это возможно, дает ответ учение о Евхаристии, благодарении, причащении Св. Плоти и Крови Господних. По словам Трубецкого, во Христе не только восстанавливается и воскресает для вечной жизни умирающее и умершее тело человека и всякой твари; в Нем восстанавливается и утраченная свобода всех и каждого от первоначально греха.

Христос — носитель идеи новой вселенной и полноты сил, ее жизни. Поэтому, приобщаясь Телу и Крови Христовым, мы и сами становимся частью этой новой вселенной и тем приобретаем двоякую свободу: мы становимся независимыми от греховного прошлого, и нашего, общечеловеческого, и мирового, и во Христе каждый из нас становится соучастником Его творческого акта: мы получаем возможность начинать во времени новый творческий ряд, не вытекающий из зараженного грехом прошлого вселенной. И в этом открывается вечный и непоколебимый смысл человеческой жизни.

Такова в двух словах философия замечательного русского мыслителя и общественного деятеля кн. Евгения Николаевича Трубецкого.

ПЯТЬ ЮБИЛЕЕВ

МУЧЕНИК ПРЕДПОСЛЕДНЕГО ЗНАНИЯ

К Сорок пятой годовщине смерти Льва Шестова

"Мужчины-юродивые, женщины-кликуши никогда не переводились в России, и, нужно думать, не скоро еще переведутся. В России народ не только чтит, но почему-то любит своих духовных уродов. Будто чувствует, что бессмысленные вопли не совсем уж бессмысленны и жалкое существование бездомного бродяги не так уж отвратительно. И в самом деле — придет час и каждому придется возопить, как возопил на кресте совершеннейший из людей: "Господи, Господи, отчего Ты Меня покинул?"

Так писал Лев Шестов, которого самого называют юродивым русской философии, хотя жизнь его была вполне уважаемой. Он родился в Киеве в 1866 году в обеспеченной семье, много путешествовал, рано вошел в философию и занял одну из ведущих ролей в русской философской культуре начала века. Умер Шестов в эмиграции в Париже, 45 лет тому назад, 20 ноября 1938 года всемирно признанным философом, оказавшим большое влияние на развитие французского экзистенциализма. Откуда же этот титул;

юродивого философа? Согласно Федотову, в древней Руси юродивые играли роль пророков свободы против деспотизма, были вестниками невидимой реальности против всеобщей очевидности. И вот такая же роль в философии выпала Льву Шестову. Он обличал человеческую слепоту, которая, согласно Шестову, тем сильнее, чем увереннее человек в своем знании. Там, где ученый или философ, вооруженный самыми совершенными инструментами отточенного человеческого разума, думает, что он достиг истины и овладел ею, именно там и достигает его слепота своей вершины.

"Чем больше приобретаем мы положительных знаний, — писал Шестов в книге "Афины и Иерусалим", — тем дальше мы от тайн жизни. Чем больше совершенствуется механизм нашего мышления, тем труднее нам становится подойти к истокам бытия. Знания отягчают нас и связывают, а совершенное мышление превращает нас в безвольные, покорные существа, умеющие искать, видеть и ценить в жизни только "порядок" и установленные "порядком"

Портрет Шестова работы Б. Григорьева.

закон и нормы. Вместо древних пророков нашими учителями и руководителями являются ученые, полагающие высшую добродетель и послушание не ими созданной и никого и ничего не слушающей необходимости".

Но законы необходимости —

есть законы нашего мира. А Шестов неустанно спрашивает: точно ли наш человеческий мир, тот мир, которому разум продиктовал законы, тот мир, который создан коллективным опытом, есть единственно возможный мир? И отвечает, что нет. Есть и другой мир, другое царство — свободы. Только не может увидеть его человек глазами привычного разума. Чтобы увидеть это царство свободы, человеку необходимо прозрение. А приходит оно не от знания ума, а путем жизненных потрясений, посредством которых учит Бог человека, постепенно снимая пелену с его слепых глаз.

"Ангел смерти, — писал Шестов в своей книге "На весах Иова", — слетающий к человеку, чтобы различить его душу с телом, весь сплошь покрыт глазами. Эти глаза у него не для себя. Бывает так, что ангел смерти, явившись за душой, убеждается, что он пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю. Он не трогает его души, даже не показывает ей, но прежде чем

удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек внезапно начинает видеть сверх того, что видят все, и что он сам видит своими старыми глазами, что-то совсем новое".

Далее Шестов пишет, что люди с обычным зрением не желают понимать тех, кому ангел даровал новые глаза, и способны засадить их в сумасшедший дом. К таким прозревшим людям Шестов отнесил Достоевского, отнесил западных философов Ницше и Киркегора, которых, ведь как и его самого не случайно не издадут в Советском Союзе. Как мог Шестов предвидеть советскую действительность, в которой распоясавшийся марксистский диалектический разум с деловым сознанием партийно-государственной необходимости упрекает инакомыслящих в сумасшедшие дома? Однако Шестов начал свою борьбу против деспотизма разума задолго до возникновения советского режима. Задолго до того, как "осознанная необходимость" установила в России тоталитарную власть. Ее находил, выявлял и обличал Шестов в своих философских войнах. Уже в первых своих книгах: "Достоевский и Ницше", "Апофеоз беспочвенности", "Добро в учении Толстого и Ницше", написанных на рубеже нашего века, Шестов начал борьбу с философией осознанной необходимости, благодаря которой люди чувствуют себя бесправными и бессильными колесиками одной большой машины и забыли о том, что мир создан для них. Эту скрытую "осознанную необходимость" Шестов умел изобличать повсюду, в любых уголках философской мысли.

"Спиноза утверждал, — говорит он в книге "Афины и Иерусалим", — что если бы камень обладал сознанием, то ему казалось бы, что он падает на землю свободно. Но Спиноза ошибался. Если бы камень обладал сознанием, то он был бы уверен, что падает в силу необходимости каменной природы всего сущего. Из этого следует, что идея необходимости только и могла возникнуть и окрепнуть в одаренных сознанием камнях. И так как идея необходимости пустила столь глубокие корни в человеческих душах, что представляется всем премирной и первоизданной, то из этого тоже следует заключить, что огромное большинство людей, — не люди, как это кажется, а обладающие сознанием камни".

В идее необходимости нуждается власть. Власть трудно обосновывать на свободе, но она очень легко пользуется в своих целях философской необходимостью. Необходимые общие истины тоже имеют отношение к власти. Власть нуждается в общей принудительной для всех истине и разум, таким образом, сам того не сознавая, становится послушным полицейским при дворе власти.

"Мнимая потребность поклоняться одной общей истине, — го-

ворит Шестов, — приводит к вечной вражде и крестовые походы и сейчас не кончились. Люди, живущие рядом, ненавидят и презирают друг друга и мечтают не о том, чтобы "общаться" меж собой, а чтоб покорить себе ближнего, заставить его забыть и отречься от себя, от всего, что ему нужно и важно. Только никак нельзя рассчитывать, что, вооружившись единой истиной, мы найдем путь к душам всех людей. Наоборот, таким способом все пути закрываются и единство меж людьми достигается не путем общения, а путем истребления всех, кто думает, чувствует и хочет иначе, чем мы".

При этом Шестов был уверен, что большинство людей не верит истинам той религии или идеологии, которую они исповедуют. Поэтому им нужно, чтобы окружающие верили в то же, во что они официально верят и говорили то же, что они говорят: только это и поддерживает их в их "вере", только в окружающей среде они находят источники, из которых черпают твердость и крепость своих убеждений. И, чем менее убедительными кажутся им откровенные истины, тем важнее для них, чтоб этих истин никто не оспаривал. Оттого обычно самые неверующие люди — самые нетерпимые. Для Шестова истины веры, в противоположность истинам познания, узнаются по тому признаку, что они не знают ни всеобщности, и необходимости, ни принудительности. Они свободно даются, свободно принимаются, ни перед кем не отчитываются, никем не регистрируются, никого не пугают и сами никого не боятся.

В самиздатской статье "Великий молчальник" Лев Шестов противопоставляется Ленину.

"Ленин и Шестов, — говорит ее автор, — два мыслителя (едва ли когда интересовавшихся друг другом) начинают свой бой на противоположных флангах с противоположными целями, но каждый — один против всех, не считаясь с философскими приличиями, идя напролом. Ленин и Шестов, при всем различии их культур, — две "крайности" русской, может быть, и мировой мысли, не ведавшие друг о друге в философии, но странным образом сопряженные в своем отношении к разуму. Один, не побоявшийся воплотить собою, — делом своим и собственной личностью — историческое необходимое движение Мирового Разума в сторону тотального подчинения мира некой якобы ему присущей Закономерности; другой — решившийся из неведомой глубины, из опыта "смертного" зрения и неизреченной свободы бросить разуму проклятие во всех его повседневных или всемирно-исторических, или трансцендентных принуждениях".

На путях борьбы с разумом, т.е. отказа от самой философии, юродства в самой философии Шестов приближается к последней Тайне, перед которой отступает необходимость, перед которой умолкает разум, перед тайной Бога.

Над этой тайной бьется и мучится его мысль, бессильная приблизиться к правде о Боге Живом. И на самом пороге богопознания она замолкает, останавливается.

Однако это не значит, что философия Шестова нужна лишь для неверующих, чтобы дать им еще одну пару глаз, чтобы помочь вырваться из уз необходимости к свободе. Нужна она и нам, христианам, как справедливо говорится об этом в самиздатской статье "Великий молчальник":

"В руках человеческих — тайна Бога — может ли всегда отставаться той же тайной? Может ли она не померкнуть в глазах, которым делается больно от сияния, не стать в человеческом владении земной, "разумной", необжигающей? Мы все — верующие своих исповеданий — остаемся нередко "фарисеями" своей веры, владельцами не

нами собранного достояния... Мы уверены, что истины хватит на наш век. Но "Истина, — свидетельствует из своего подполья и одиночества Шестов, — есть истина лишь потому и постольку, поскольку ее распинают." И не для того ли Бог посылает нам иногда "мытарей веры", бедняков веры — немых и юродивых, призванных не учить, не проповедывать, но воплощать собою это непостижимое самораспятие истины... Философия Шестова, как бы ни была она выношена, стройна, упорядочена, заключает в себе стенание и юродство. Она есть отречение от мудрости человеческой усилиями той же мудрости — ради "безумия перед Господом". Он — мученик "последнего знания", мученик неразрешившейся мысли, мученик и свидетель той радости, того света, что вошли в мир с тех пор, как Господь родился в Вифлееме".

ПЯТИЛЕТИЕ ПОНТИФИКАТА ИОАННА-ПАВЛА II

22-го октября этого года исполнилось пять лет со дня избрания польского кардинала Войтылы на Римскую кафедру. За пять лет своего понтификата Иоанн-Павел I I снова превратил кафедру римского епископа во влиятельный центр современной духовной, интеллектуальной и политической международной жизни и сделал ее могучим инструментом для своей собственной апостольской миссии. За эти пять лет непрерывных путешествий по разным странам и материкам странствующей знаменитостью, которую лично видели миллионы людей, он наложил на нашу современность неизгладимый отпечаток, многократно умноженный, подобно евангельским хлебам, посредством телевидения и прессы. В международном масштабе он распространил учение Католической Церкви далеко за пределы религиозной сферы в область прав человека, экономической и социальной справедливости и политических свобод. В нашу эпоху сомнений и релятивизма, атеизма и материализма, тотального попрания человеческого достоинства, он с высоты своей исторической кафедры не устает утверждать ценность человеческой личности как священного творения Божия, утверждать фундаментальные права человека на свободу веры, свободу духа, на основные политические свободы и на социальную справедливость.

Именно эти общечеловеческие ценности Папа сделал программой своей кругосветной проповеди.

Выступая в защиту прав человека, попираемых тоталитарными режимами, возникшими на базе марксистской идеологии, папа безоговорочно поддерживает борьбу за права человека в странах Латинской Америки и Азии. Во время своей поездки в Бразилию в июле 80-го года Папа встал на сторону прогрессивного крыла цер-

ковной иерархии в ее борьбе за права человека, земельную реформу, профсоюзы и экономические права беднейших слоев населения. Сделав выговор бразильскому президенту за нарушение прав человека и расцеловав перед телевизионной камерой радикального архиепископа Дома Эльдера Камару, Папа предостерег духовенство против вмешательства в политику на стороне правых или левых политических сил и против марксистского "богословия освобождения". Однако он поддержал священников, которые выступили в защиту угнетенного крестьянского населения, назвав их труд среди бедноты правомочной частью евангельской миссии. В Сальвадоре Папа заявил, что достижение социальной справедливости на Южно-Американском континенте стоит перед четким выбором: либо оно будет достигнуто путем глубокой и мужественной реформы, либо путем революционного насилия. Глава бразильской оппозиционной партии назвал визит папы самым значительным событием для страны в этом веке.

Перед церковными деятелями Иоанн-Павел говорил о революции духа, а не о революции нагана. Он призывал их воздерживаться от союза с политическими партиями, не склоняясь ни к правым консервативным силам, ни к революционному марксистскому движению, но всегда оставаться "верными Евангелию".

Весть мирных реформ, социальной справедливости и уважения к правам человека и религиозной свободе Папа сделал программой своих кругосветных путешествий. Африка, Азия, Филиппины, Япония, Латинская Америка, Соединенные Штаты, Восточная Европа — вот общий перечень центров влияния и власти, а также взрывча-

тых мест земного шара, посещение которых уже сделало его самым подвижным римским епископом за всю историю папства. Нигде его влияние не заметно в большей мере, чем в его родной Польше. Общенародный энтузиазм поляков, вызванный его приездом в Польшу в 1979 году, выразился в создании свободного профсоюзного движения, объединившего больше трети польского населения.

Естественно, что Папа, избранный на Римскую кафедру после тридцати лет священства и епископства в Польше под атеистическим режимом, представляется всем инакомыслящим в коммунистических странах своим представителем. Многочисленные обращения к нему от правозащитных деятелей в Советском Союзе и других коммунистических странах, разделяющих разные убеждения, свидетельствуют о том, что диссиденты коммунистического лагеря хотят видеть в Папе, если и не своего выразителя, то хотя бы рупор для всех церквей Молчания.

Визит Папы этим летом в Польшу, стонущую под военным режимом, и тот огромный энтузиазм, который Папе удалось разжечь у всего населения, показал, что эти упования наиболее бесправной части человечества — не напрасны. Иоанн-Павел сумел вдохнуть в поляков свое убеждение, что коммунистическое доминирование над Восточной Европой — это временный краткий эпизод в истории. 38 лет власти коммунизма над Польшей — это краткий миг по сравнению с ее тысячелетней христианской историей.

Хотя Папа и говорил постоянно о "Солидарности", о суверенных правах человека, трудящегося и о праве нации на самоопределение, и прямо говорил о праве Польши занять подобающее ей место среди наций Европы, "между Востоком и Западом", его проповедь никогда не переходила в политическую агитацию. Папа призывает к революции, но к революции духовной и моральной, к революции сердца.

Папский визит имел далеко идущие политические последствия. Польской Церкви удалось достигнуть беспрецедентного соглашения с правительством: о создании церковного фонда, под церковным же контролем, через который западные христиане соберут и передадут два миллиарда долларов для помощи польским крестьянам. Это соглашение, носящее скорее экономический характер, не случайно. Оно не только отражает заботу Польской Церкви о непосредственных материальных нуждах голодающего населения и стоящего на грани экономического краха крестьянства, но и первостепенность социально-экономического аспекта современной жизни в сознании Папы. Не случайно одной из важнейших энциклик Иоанна-Павла II была энциклика "О труде чело-

века", в которой он показал, что дело христианства, а не марксизма заботиться о социально-экономической справедливости и правах трудящихся. Папская энциклика в первую очередь изъясла труд из экономической полемики между капитализмом и коммунизмом и поставила его в перспективу Евангелия, вернула труду его забытое религиозно-гуманистическое значение.

Иоанн-Павел молится об упокоении жертв Аушвица

Папу можно назвать патриотом Европы. Он неустанно напоминает о христианских истоках европейской цивилизации и потому о фундаментальном ее единстве. Во время своего недавнего визита в Австрию он снова говорил о том, что христианство — это общее наследие Европы, которому она обязана своим богатством, силой, расцветом искусств и наук, просвещением, открытиями, философией и цивилизацией. "Среди христианского наследия, — говорил Папа, — особую роль в Европейской цивилизации сыграло христианское представление о человеческой личности, утверждающее, что человек сотворен по образу и подобию Богу, и, будучи искуплен Иисусом Христом, Сыном Человеческим, обрел свободу и достоинство и возможность свободного развития в атмосфере человеческой солидарности. Поэтому естественно, что права человека, общие всем, были впервые сформулированы и провозглашены в Западном мире."

Иоанн-Павел II — традиционалист в области католической морали и верования. Он подчеркивает, что жизнеспособность и сила религиозной общины стоит на вековых корнях. И только при должном питании этих корней верою и дисциплиной возможны реальные человеческие достижения в религиозной области.

Папа ставит во главу угла и заботу о восстановлении единства между разделенными христианскими Церквями. Еще в начале своего понтификата Папа ездил в Турцию для встречи со Вселенским патриархом Димитрием. За последние годы Рим впервые посетили патриархи древних до-хал-

кидонских церквей. Было достигнуто историческое соглашение между Римской и Англиканской церквями, открывшее путь к постепенному воссоединению. В прошлом месяце было достигнуто богословское соглашение между американскими католиками и лютеранами в вопросе об оправдании верой, ключевом пункте богословского расхождения между католиками и лютеранами.

Африканцы приветствуют Папу

Другое дело, что Папа, стоящий на страже традиционной католической доктрины, не готов делать тех необходимых уступок, которые требуем от католичества мы, православные, с одной стороны, протестанты — с другой. Однако глубже всех богословских расхождений лежало взаимное психологическое и культурное отчуждение, недоверие, равнодушие и отсутствие христианской любви, способствующие разделению. Стараниями Папы

Иоанна-Павла II, его сильной веры и огромного личного энтузиазма этот лед отношений между исповеданиями постепенно начинает растапливаться, христиане разных церквей все больше и больше начинают осознавать свое фундаментальное единство и общность перед лицом секулярного неверия и агрессивного коммунистического атеизма. Так во время своего визита в Польшу, за последней своей мессой в Кракове, Папа молился о "всех христианах Востока и Запада, чтобы они были объединены во Христе и раздвинули границы Царства Христова до краев земли".

Деятельность Папы с его энцикликами о правах человека и о социальных правах трудящихся становится главным вызовом тоталитарным и авторитарным режимам современности и марксистско-ленинской идеологии. Об этом свидетельствует покушение на его жизнь весной 1981 года. Итоги пяти лет понтификата говорят о выдающихся личных качествах Папы Иоанна-Павла II.

Но кроме того, они свидетельствуют и о всемирном пробуждении и активизации христианского сознания. Энтузиазм, с которым люди всех рас, языков и убеждений, встречали Папу во время его путешествий, свидетельствует прежде всего о жажде современного мира в Евангельской Вести, о том, что люди устали от обещаний атеистических идеологий, о том, что они хотят слышать гуманистическую весть о правах человека из уст Христианской Церкви. Этот энтузиазм свидетельствует, в первую очередь, о жажде Христа в душе современного человека.

МАРТИНУ ЛЮТЕРУ — ПЯТЬСОТ ЛЕТ

10 ноября весь Западный мир праздновал 500-летие со дня рождения Мартина Лютера. Лютер родился в 1483 году в Айслебене, в Саксонии, являющейся ныне частью ГДР. Хотя официальная марксистская идеология и считает Лютера реакционером, в этом году немецкая коммунистическая партия отмечает его пятисотлетие, вспоминая, что он создал этику труда. Компартия ГДР решила вложить миллион марок в церкви, монастыри и богословские библиотеки, связанные с историей лютеровской реформации. Глава компартии Эрих Хонеккер назвал Вартбургский замок, в котором Лютер прятался от преследователей, "памятником немецкой истории" и сказал, что посещения замка поднимут национальные чувства и патриотизм немцев.

Расскажем в двух словах историю лютеровского протеста, из которого родился протестантизм. В начале 16-го века Папа Лев X, нуждавшийся в деньгах для постройки знаменитого собора Св. Пет-

ра в Риме, продал кафедру Майнской архиепископии Альбрехту Бранденбургскому, который до этого возглавлял уже две епархии, за 24 тысячи золотых, т.е. приблизительно сумму дохода германской короны. В ответ Альбрехт обещал начать распродажу папских индульгенций в Майнце. Половину дохода от их продажи получил Папа, другая половина пошла на погашение долга банкирам, ссудившим Альбрехту нужную для покупки архиепископии сумму.

Здесь-то и выступил тридцатитрехлетний священник и августинский монах Лютер. В 1517 году викарий одиннадцати августинских монастырей и самый популярный профессор Виттенбургского университета Мартин Лютер приколот к дверям местной церкви 95 тезисов, осуждающих продажу индульгенций. "Они проповедуют человеческую глупость, которая полагает, что стоит монетам зазвонить в кошельке, как души выпрыгивают из частилища", — писал

Лютер. Лютер начал с обличения Альбрехта, не ожидая, что его нравственное негодование против симонии и торговли прощением грехов приведет к могущественному движению, которое расколет Западную Церковь.

Ответ был суров: Папа отверг протест Лютера и потребовал от него покаяния. Тогда Лютер начал подвергать сомнению и другие аспекты католического учения, включая и институт самого папства. В 1520 году он писал в открытом письме Папе: "Римская Церковь, некогда самая святая из всех, сделалась развратнейшим логовом воров, бесстыднейшим борделем, царством греха, смерти и ада". Лев в ответ назвал Лютера "кабаном, топчущим виноградник Господень". Лютер был вызван на Wormский капитул, чтобы публично отречься от своих писаний. Он, однако, не отречся.

"До тех пор, — говорит Лютер в своей речи, — пока меня не убедят Священное Писание и ясные доказательства, основанные на разуме — ибо общеизвестно, как они ошибаются и сами себе противоречат, — я не могу верить ни Папе, ни самому собору. Я связан собственной совестью и Словом Божиим. Поэтому я не собираюсь ни от чего отречься, так как действовать против собственной совести не безопасно и не спасительно. И да поможет мне Бог".

В ответ на клерикализм средневекового католицизма Лютер выдвинул учение об оправдании верой. Это учение подчеркивает непосредственную самоценность веры, которая, согласно его богословию, выражается "во всеобщем священстве верных": все верующие, и рукоположенные и нерукоположенные, — состоят в прямой связи с Богом. Священство не приближает к Богу, но сама вера приближает к Нему. Лютер подчеркнул, что в Новом Завете слово "священник" относится либо к Иисусу-Первосвященнику, принесшему единственную жертву — Себя Самого, — либо к каждому верному. Этот термин не относится ни к "профессионалам-клерикам", ни даже к апостолам. Как пишет в статье о Лютере профессор Йельского университета Ярослав Пеликан:

"Ценнейшим культурным результатом этого учения всеобщего священства верных был перевод Библии на разговорные европейские языки. У Бога нет предпочтения "родного языка", — будь это даже латынь, греческий или древнееврейский: каждый верующий призван понимать Писание и Благую Весть и самостоятельно и критически оценивать проповеди и поучения духовенства. Поэтому Писание принадлежит не избранным и посвященным, а всем. Оно должно обращаться к каждому народу на его языке. Это утверждение Лютера остается актуальным и сегодня всякий раз, когда очеред-

ная церковь не желает поступить — красота языковых архаизмов ради понимания богослужебных текстов и церковных песнопений".

Переводам Библии на европейские языки положил начало сам Лютер, который начал в Вартбургском замке под покровительством Фридриха III свой знаменитый перевод Библии. Хотя Лютеру принадлежит 55 томов сочинений, его главным шедевром был перевод Нового Завета с греческого на немецкий, который он в основном сделал за 10 недель, скрываясь от папской и имперской полиции после Wormской конфронтации. В 1554 г.

Мартин Лютер

вышел и Ветхий Завет в его собственном переводе, сделанном с помощью знатоков еврейского языка. Лютеровская Библия быстро распространилась в его эпоху и по сей день остается канонической протестантской немецкой Библией.

До появления лютеровской Библии не было литературного немецкого языка, было изобилие диалектов. Как сказал Иоганн Готфрид фон Гердер, один из наставников Гете, "ни кто иной, как Лютер, пробудил и развязал гиганта — немецкий язык".

"Богословие Лютера христоцентрично, ставит Христа в центр. Лютер все повторял слова Апостола Павла: "не знать ничего, кроме Иисуса Христа и притом Распятого".

Лютер и в своих переводах Писания и в Новом и в Ветхом Заветах и в своих толкованиях на него прежде всего искал Христа. Будучи монахом, он столкнулся с трудностью вопроса о божественном предопределении. Его тогдашний духовник посоветовал ему начать размышление о ранах Христовых. Он никогда не забывал этого совета, следовал ему и давал другим. В проповедях Лютера снова и снова возникал один мотив: "не старайтесь понять величие Божие: от этого можно потерять разум, — но идите в Вифлием и узрите Предвечного, возлежащего на руках Его Матери". Лютер говорит: "у меня такой большой опыт божественности Христа, что я должен сказать: "Или Бог — Он, или Бога нет".

Наиболее существенное в учении и личной вере Лютера — это

ощущение запредельного, обращенность к божественной тайне Царства Божьего. В своих комментариях к посланию к Галатам Лютер писал: "Вот почему наше богословие верно: оно отводит нас от центра в себе, так что мы стоим не на собственной силе, не на собственном сознании или опыте, или личности, или делах, но опираемся на то, что вне нас — на обетование и истину Божии, которые не могут обмануть".

Лютерова реформация была в первую очередь протестом против эксцессов средневекового католицизма, отсюда и ее название "Протестантизм". Протестанты первоначально восстали за чистоту христианской евангельской веры и стремились возвратиться к истокам Церкви. В начале основные протесты Лютера звучали православно и потому неудивительно, что протестанты в своем восстании против империализма Римской Церкви пытались найти поддержку у Православия.

Однако, к несчастью, православие, сохранив чистоту веры, не сохранило способности ее разумно исповедывать, вести диалог. В это время оно переживало глубочайший кризис. Греческое православие было под властью турок и находилось в полном богословском упадке.

"В самый критический момент в церковном пути христианского Запада, — пишет о. Александр Шмеман в своей книге "Исторический путь православия", — в момент Реформации и пересмотра, переоценки всех традиционных ценностей на Западе, — Православная Церковь оказалась безмолвной, и западный спор был из-за этого односторонним, лишенным подлинной вселенской перспективы. Восток смог только отгораживаться, защищаться, охранять — в нем не оказалось силы; свой опыт, свою непрерывную традицию показать как выход из западных тупиков. Первые реформаторы, в убеждении, что борясь с папизмом и средневековым католицизмом, они возвращаются к апостольскому христианству, делали попытки обращения к Восточной церкви как "арбитру" их спора с Римом. Переговоры с протестантами особенно оживились при патриархе Иеремии II (1572 — 95), который подверг подробному разбору присланное ему Аугсбургское Исповедание и вскрыл его явную еретичность с православной точки зрения. "С нами или лучше сказать, с истиной вы не можете согласиться никогда, — писал Иеремия. — И просим вас не утруждать нас более, не писать, не посылать к нам, когда вы светильников Церкви и богословов перетолковываете иначе и на словах почитаете, а на деле отвергаете... Итак, избавьте нас от хлопот. Идите своим путем и впредь о догматах нам не пишите".

Если греки хотя бы читали протестантские писания, не желая на них отвечать, то русские не были в состоянии сделать и этого.

Уровень богословского знания на Руси в 16-ом веке был таков, что официально Русская Церковь до 1639 года не отличала протестантских церквей от католических. Сам царь Иоанн Грозный, один из образованнейших людей Руси того времени, не понимал, что такое "лютерская ересь".

Царь даже не знал, как о ней спрашивать, веля одному лютеранскому пастору написать подробно, "Как у них живет церковная служба, как входят в церковь попы служить и как в ризы облачаются... что на обедне пюют и как бывает отпуст пению... и как у них звонят, во все ли дни ровно, или по великим праздникам Господним?" В споре с богемским братом Яном Ракитой царь принял его за лютеранина, тому пришлось излагать лютеровы положения — что было жестоким разочарованием для проповедника, ехавшего в Россию с мечтой обратить русских в лоно католицизма. Царь добил своего противника, вручив ему объемистое сочинение против "лютерской ереси", начинающееся словами: "Не стоило бы разговаривать со псом и метать бисер перед свиньями". Для царя все решалось тем, что Лютер отступил от старой веры и женился на монахине.

Сами московские соборы, разбивавшие и осудившие мнения "еретиков", не подозревали об их источнике. Так евангелические учения Башкина и Артемия сошли за "латынскую ересь".

Как указывал о. Георгий Флоровский, с падением Византии богословствовал один только Запад. Православие не могло и не хотело вмешиваться в спор Реформации с католицизмом и поэтому неудивительно, что Реформация по приглашению патриарха Иеремии пошла "своим путем" и более к православию не обращалась.

Так началась лютеровская Реформация, охватившая постепенно пол-Европы и на полтора века ввергшая ее в религиозные войны, положившая начало протестантским церквям. Одна только лютеранская церковь в наши дни насчитывает 69 миллионов верующих в 85 странах.

Отмечать даты событий, связанных с историей Реформации, начали уже с 16-го века. Но в этом году в праздновании лютеровского юбилея впервые участвуют католики. В Лютере признают пророка, церковного реформатора, которого, по несчастью, не послушался Ватикан. Ответ Ватикана на призыв Лютера запоздал на четыре с половиной века с созывом Второго Ватиканского Собора. Однако сейчас на всех уровнях в католическом мире — от Ватикана до приходских — видно искреннее желание найти в Лютере силу для экуменического единения.

Католики признают, что свидетельство живости и приложимости лютеровской Реформации — это утверждение ею способности Церкви постоянно обновляться.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ

ПЕСЕНКА О КЛАССОВОМ ПОДХОДЕ

Однажды, много лет назад
В одной неведомой стране
Пошел войной на брата брат
И дело близилось к войне.

Кто справедливости хотел,
Кто просто набивал живот...
Вдруг среди живых и мертвых тел
Явился Классовый подход.

Проблема власти велика,
Ее тяжелая рука
Давила, давит, будет бить
Всегда, везде, во все века.

Чтоб крикунам замазать рот,
Чтоб вырезать ненужный сброд —
Тут нужен тонкий поворот,
Тут нужен классовый подход.

У всех отнять и всем отдать,
Всех расстрелять и наградить,
А между делом выявлять,
Тех, кого надобно убить.

И ты живешь,
И ешь и пьешь,
Туда идешь, сюда идешь,
А в темноте живет, как крот
И тенью за тобой бредет
Как сотни лет тому назад
Все тот же классовый подход.

Я слово приготовил для себя,
И лист бумаги белый и упругий,
Но не хватает лампы и огня:
Единства комнаты с протяжностью округи,
Единства улицы со снегом и дождем,
Единства птицы с деревом и небом
И точность входа, но не в дверь — в проем.
Как свет дневной, где сумрак долго не был.

Единства пальцев с просинью чернил,
Единства горла с телом и рукою.
Февральский хруст строке моей не мил,
И нет единства дома с пустотой.

Но, расправляя пальцы над столом,
И поднимая руки для полета,
Я вне единства, я разъединен.
Во мне стихи и мною пишет кто-то.

1971

И волчье слово губы обожгло
Паленое, пропитанное псиной
И шепотком, и шепотом пошло
За наименьшем почты голубиной,

За наименьшем правды на земле,
За наименьшем света в каждом доме,
Но за именем корысти в тепле,
И за именем лжи в победном звоне.

Глоток сырого воздуха
И вот, охотник Верткий метит в наши спины.
Паленым словом обжигает рот
И перед нами Бог стоит Единый.

Но мне нужны слова,
Но телу моему —
Пространства, острова
Биения не уйму,
Того, что у виска.
Запястья сведены
Мне выпало искать,
Но нет такой страны,
Где стол и белый лист,
Где на задворках тьмы
Поющий воздух чист.
Запястья сведены.

1977

Анри Волохонский

Однажды некий шудра
Достигши мира Брахмы
Сказал, что жизни пудра
Не стоит медной драхмы

В ответ подумал Брахма
В слезах от мира пудры;
— Кто жизни мерит в драхмы,
Достиг не выше шудры.

Давид Осман

На остановке ежедневной,
Обычной, словно цвет чернильный,
Налево в тишине деревьев
Есть монастырь в кирпичных стенах.

Вокруг высокого собора
Сплотились вечные могилы:
Граф Панин,
Репнин,
Оболенский
и в усыпальнице Голицын.

Там парики напудрил ветер,
Там в канделябрах пляшут свечи,
Гарцует у подъезда выезд
И реквизируют картины
Суровые и злые люди:
Степанов,
Гинзбург,
Гришин,
Брайнин.

А если отойти с дороги,
То встретишь брошенную наземь
Плиту, разбитую ногами —
Там вечен лысый Чаадаев.

И кажется, я тоже вечен,
Как эти вечные надгробья,
Как эти ветхие подобья
Их дел,
Имен и славы.

Александр Антонович

Когда бы я придумывал этот край, я бы не сделал его иным, я бы только сдвинул стежку тропинки чуть ближе к лесу, да позолотил бы крест на маленькой церковке, одиноко стоящей на холме за оврагом. И это все, что я посмел бы изменить.

— Да, — скажете вы, — но ведь это так мало, что стоит ли вообще об этом говорить?

— Стоит, — скажу я вам. И вот почему.

Если тропинка будет жаться к краю старого леса, то когда вы будете проходить по ней октябрьским вечером, сразу после захода солнца, душой вашей овладеет смутное беспокойство, тревога, что

ли?! Немного страх и от этого всегда появится радость не радость, а только странная какая-то высота духа, чем-то отдаленно схожая с отчаянием.

А золоченый крест... О, он необходим, но чтобы его увидеть надо еще шагать и шагать по размокшей после вчерашнего дождя тропе, надо перепрыгивать лужицы, в которых ясно отражается внезапно проясненное небо и, если обходить их слева, вершины воздвигнутых над землей елей. Сейчас они стоят тихо и если остановиться и смирить дыхание, то можно услышать, как за завесой тяжелых ветвей цокает, взлетая по чернозолотому стволу белка. Потом этот звук повторится, но уже дальше, глуше и еще дальше...

И вот тогда-то тропинка, проходи она чуть ближе к лесу, могла привести бы вас к открытиям и находкам, цена которым грош, но грош старинный, с прозеленью,

стертый по краям. Когда-то на такой грош можно было купить берестяную дудочку, которая умела плакать по-человечьи. А кто сейчас умеет плакать по-человечьи?! И если вы скажете, что этому грош цена, то, Боже мой, как вы будете неправы!

Дудочка эта плакала чисто и светло, как плачут от несбывшегося горя, когда вокруг стоят только вчера сметанные стога и оплавленное жарой небо стекает к вечеру, когда вокруг ни одного чужого взгляда и под ногами колючая ласковость жнивья, а впереди небо, дальний лес и только начатая жизнь.

А вы знаете, что это такое — только начатая жизнь? Неужели еще помните? Да, это внезапный озноб от налетевшего из прогретых лесов теплого ветра, это похолодевшие пальцы рук, когда под ногами взорвется в небо притаившаяся перепелка, это туман, укрывающий

горизонт и сладковатый лепесток клевера на губах.

Неужели всему этому грош цена?!

А проходи тропинка чуть ближе к лесу... Впрочем, что мечтать — и так бескрайне пропитанное влагой поле, и так щедро и явственно доносится из леса тишина, и так мысли о вечности своей в этом мире не покидают вас. Вот если бы еще мятлый привкус опасности, чуть тревоги, и — деревья вверх до головокружения в синее небо, если бы еще и это... Но не хватит ли с нас пророков?!

А крестик церковки надо бы позолотить обязательно, чтобы, когда тропка оторвется от колдовского притяжения векового леса, блестящая точка на горизонте доказала бы тебе, что солнце еще не село и что ты не один на этой земле, среди благодарно принимающих позднюю влагу рыжеватосерых полей.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ

Вот уже второе лето сестричество храма Христа Спасителя устраивает летний лагерь для своих самых юных прихожан. Координатором и духовным руководителем лагеря является о. Андрей Трегубов, который снимает для лагеря дом неподалеку от своей церкви в Клермонте, в штате Нью-Гэмпшир.

Создавая этот лагерь, наш приход преследовал несколько целей: увезти на лето из Нью-Йорка детей неимущих родителей, взять самых маленьких (от 3-х до 7-ми лет), которых не принимают другие американские лагеря, наконец, иметь летний лагерь, в котором дети могли бы говорить между собой по-русски и регулярно посещать богослужения.

Мы смогли устроить этот лагерь благодаря частным пожертвованиям, гранту от Православной Церкви в Америке, средствам, собранным сестричеством храма Христа Спасителя и, в первую очередь, благодаря усилиям о. Андрея Трегубова и щедрой многосторонней помощи, которую постоянно оказывали прихожане его Воскресенской церкви.

Для того, чтобы это начинание не заглохло, но продолжало расти, нам нужна ваша финансовая поддержка, добровольный труд в лагере тоже необходим. Поэтому милости просим, пишите нам.

Письма, пожелания, предложения и пожертвования для лагеря посылайте по любому из предложенных адресов:

Sisterhood of Russian Orthodox Church
of Christ the Savior
att. Agrafena Tatishev
340 E 71 st. Str
New York, N]Y] 10021

Children's Fund
Att. Andrew Tregubov
99 Sullivan Str.
Claremont
New Hampshire 03570

Епископ Иов Бостонский и Новой Англии с о. Андреем Трегубовым в окружении детей, воспитателей и гостей летнего лагеря. На переднем плане — директриса, Надежда Радунская.

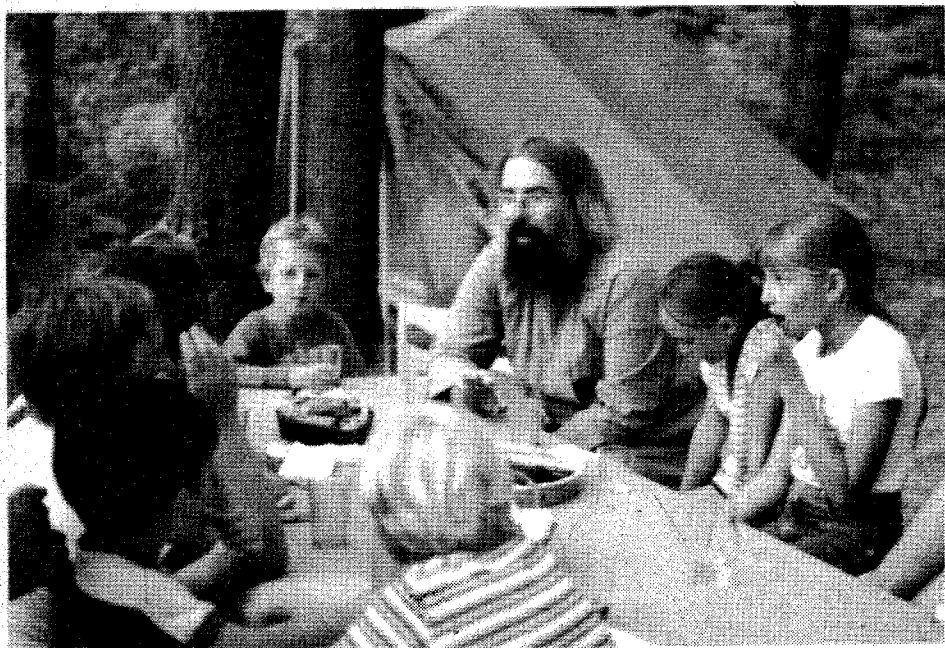
Владыка Иов с отцом Андреем Трегубовым

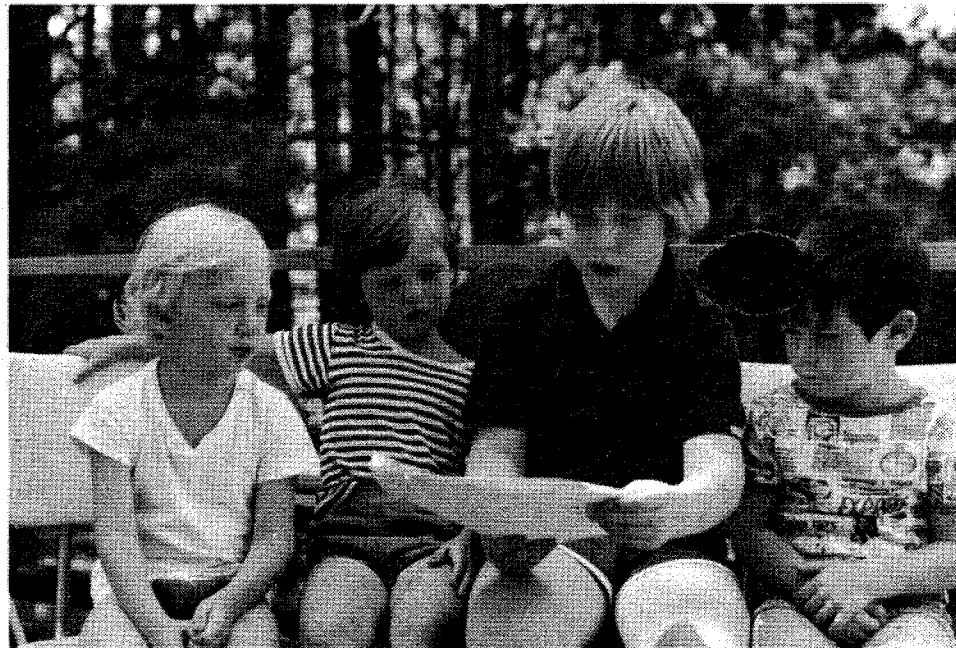
Владыка раздает ребятам иконы в память о летнем лагере

Благословение

Апостольское поучение (Владыка Иов с детьми за трапезой)

Урок русского языка. Профессор: Степан Солженицын. Студенты: Лева и Ксения Бабичи, Лева Радунский.

СТРАНИЦА

ОДНА ИЗ ЩЕКОТЛИВЫХ ПРОКАЗ

МАКСА И МОРИЦА

В СТАРОМ ГОРОДЕ КАРЛСБАДЕ
ЖИЛ БЕСПЕЧНО ДОБРЫЙ ДЯДЯ:
ВСЕХ ЛЮБИЛ И УВАЖАЛ
НИКОГО НЕ ОБИЖАЛ.

КАЖДЫМ УТРЕЧКОМ ПРИГОЖИМ
ОН МАХАЛ РУКОЙ ПРОХОЖИМ,
ЧУТЬ СТЕМНЕЕТ ВЕЧЕРОК —
ОН В КРОВАТЬ, НА ПРАВЫЙ БОК.

ВСЕМ ХОРОШ БЫЛ ДОБРЫЙ ДЯДЯ,
ТОЛЬКО С МОРИЦЕМ НЕ ЛАДИЛ.
НЕДОЛЮБИВАЛ И МАКС
ДЯДЮ ЭТОГО... ВОТ ТАК—С!

ПО МОТИВАМ ВИЛЬГЕЛЬМА БУША

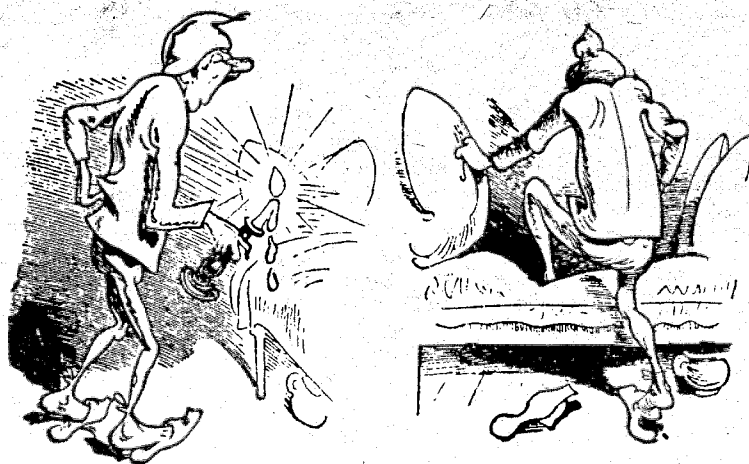
Вот, это Буш,
Вильгельм с жестоким сердцем:
Нос в табаке, а ус обсыпан перцем.

А.В.

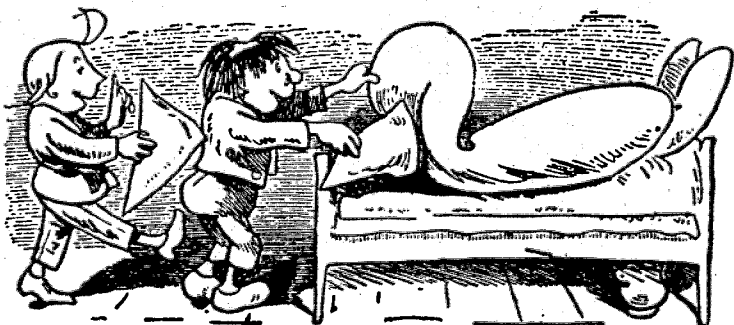
ДЕЛО БЫЛО ЖАРКИМ ЛЕТОМ.
НАЛОВИВ ЖУКОВ В ПАКЕТЫ,
МАКС И ДРУГ ЕГО МОРИЦ
ДЯДЕ ДЕЛАЮТ СЮРПРИЗ

1

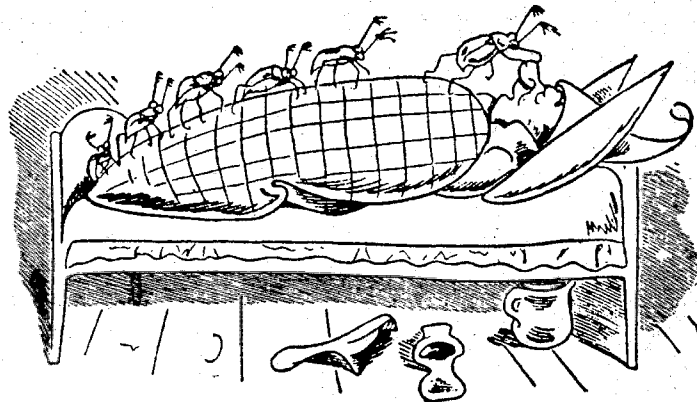
СО СВЕЧОЙ, СОВСЕМ ОДИН,
ДЯДЯ ЛЕГ МЕЖ ДВУХ ПЕРИН,
СПИТ, ХРАПИТ И НОСОМ ВОДИТ.
ИЗ ПАКЕТА... ЖУК... ВЫХОДИТ...

3

И СУЮТ В КРОВАТЬ, НАРОЧНО
ЗАПЕЧАТАВ ИХ НЕПРОЧНО.

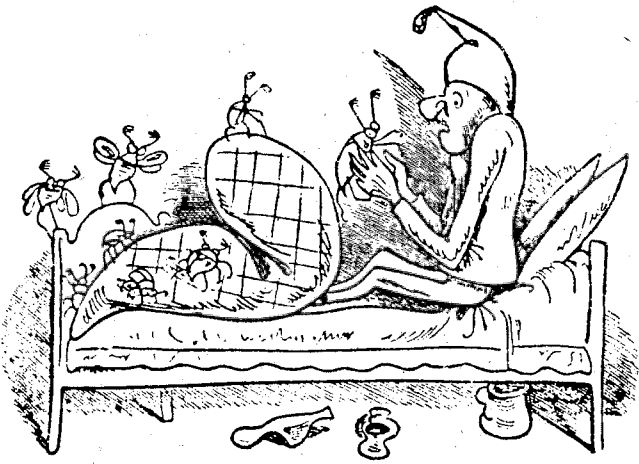
2

ШЕВЕЛЯ КОНЦАМИ ЛАП,
ПАУКИ БЕГУТ НА ХРАП
И НА ДЯДЮ, ГЛЯДЯ КОСО,
ЦАП ЕГО ЗА КОНЧИК НОСА.

4

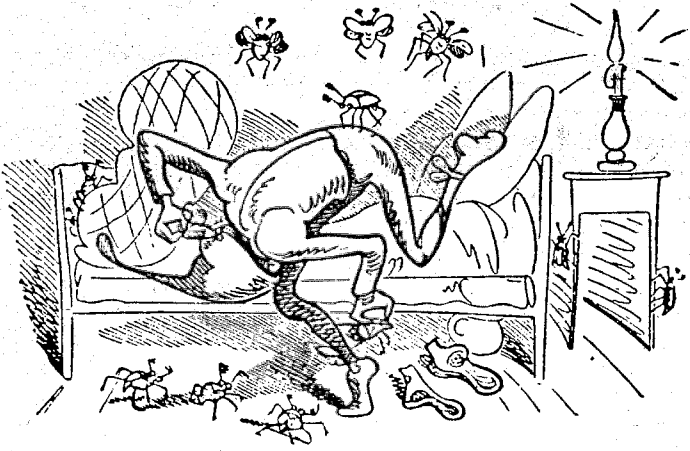
ДЛЯ ДЕТЕЙ

— ЭТО ТЫ МЕНЯ КУСАЛ?!
ДЯДЯ ГРОМКО ЗАОРАЛ
— КТО БЫ НИ БЫЛ ТЫ, ПРИЯТЕЛЬ,
ПРОЧЬ, ЗЛОДЕЙ, С МОЕЙ КРОВАТИ!

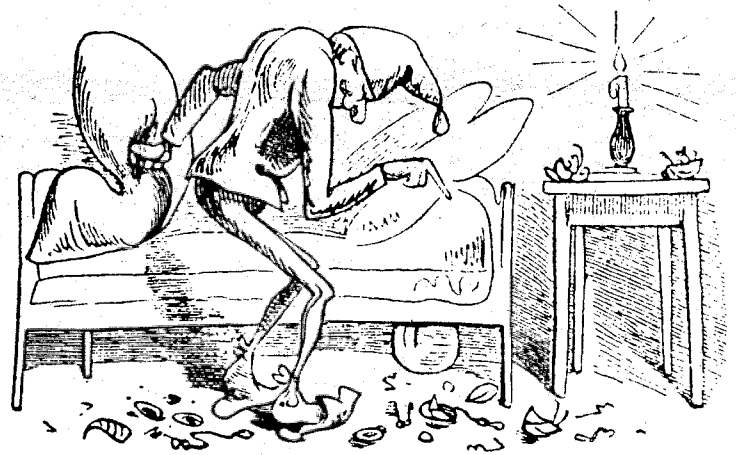
5

Анри Волохонский и Алеша Хвостенко

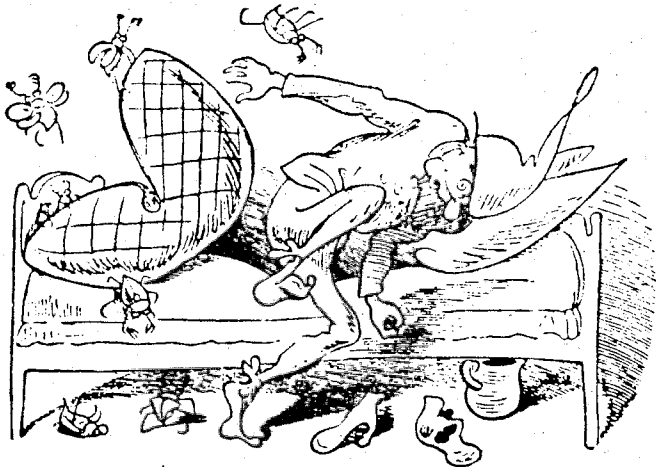
ДАЙ ЗАЖГУ НОЧНОЙ ФОНАРЬ —
ПОСМОТРЮ НА ВАШУ ТВАРЬ:
НЕЗНАКОМЫХ НАСЕКОМЫХ.

6

ХРАБРО ВЕЛ УБИТЫМ СЧЕТ:
ИМ ПОЗОР — ЕМУ ПОЧЕТ.

8

ГРОЗНО ГЛЯДЯ НА ИСКОМЫХ,
ОН РУКАМИ ИХ ХВАТАЛ,
ОН НОГАМИ ИХ ТОПТАЛ,
КОЛОТИЛ ИХ КОЛДУШКОЙ,
БИЛ, ДАВИЛ И МЯЛ ПОДУШКОЙ,

7

ЧТО ЕЩЕ СКАЗАТЬ О ДЯДЕ?
В СЛАВНОМ ГОРОДЕ КАРЛСБАДЕ
С МАКСОМ ПЛОХО В ССОРЕ ЖИТЬ —
ЛУЧШЕ С МОРИЦЕМ ДРУЖИТЬ.

ДЯДЯ СПИТ, И ДЯДЕ СНИТСЯ,
КАК БЫ С НИМИ ПОМИРИТЬСЯ.
А.Х.В.

9

Г.К.Честертон

САПФИРОВЫЙ КРЕСТ

ДЕТЕКТИВ

Из сборника «Неведение Отца Брауна»

Между серебряной лентой утреннего неба и зеленой блестящей лентой моря пароход причалил к берегу Англии и выпустил на сушу темный рой людей. Тот, за кем мы последуем, не выделялся из них — он и не хотел выделяться. Ничто в нем не привлекало внимания; разве что праздничное щегольство костюма не совсем вязалось с деловой озабоченностью взгляда. Легкий серый сюртук, белый жилет и серебристая соломенная шляпа с серо-голубой лентой подчеркивали смуглый цвет его лица и черноту эспаньолки, которой больше бы пристали брыжжи елизаветинских времен. Приезжий курил сигару с серьезностью бездельника. Никто бы не подумал, что под серым сюртуком — заряженный револьвер, под белым жилетом — удостоверение сыщика, а под соломенной шляпой — умнейшая голова Европы. Это был сам Валантэн, глава парижского сыска, величайший детектив мира. А приехал он из Брюсселя, чтобы изловить величайшего преступника эпохи.

Фламбо был в Англии. Полиция трех стран наконец выследила его, от Гента до Брюсселя, от Брюсселя до Хук ван Холланда¹, и решила, что он поедет в Лондон, — туда съехались в те дни католические священники, и легче было затеряться в сутоловые приезжих. Валантэн не знал еще, кем он прикинется — мелкой церковной сошкой или секретарем епископа; никто ничего не знал, когда дело касалось Фламбо.

Прошло много лет с тех пор, как этот гений воровства перестал будоражить мир и, как говорили после смерти Роланда, на земле воцарилась тишина. Но в лучшие (то есть в худшие) дни Фламбо был известен не меньше, чем кайзер. Чуть не каждое утро газеты сообщали, что он избежал расплаты за преступление, совершив новое, еще похлеще. Он был гасконец, очень высокий, сильный и смелый. О его великанских шутках рассказывали легенды: однажды он поставил на голову следователя, чтобы «прочистить ему мозги»; другой раз пробежал по Рю де Риволи с двумя полицейскими под мышкой. К его чести, он пользовался своей силой только для таких бескровных, хотя и унижающих жертву дел. Он никогда не убивал — он только крал, изобретательно и с размахом. Каждую из его краж можно было считать новым грехом и сделать темой рассказа. Это он основал в Лондоне знаменитую фирму «Тирольское молоко», у которой не было ни коров, ни доярок, ни бидонов, ни молока, зато были тысячи клиентов; обслуживал он их очень просто: переставлял к их дверям чужие бидоны. Большой частью аферы его были обезоруживающе просты. Говорят, он перекрасил ночью номера домов на целой улице, чтобы заманить кого-то в ловушку. Именно он изобрел портативный почтовый ящик, который вешал в тихих предместьях, надеясь, что кто-нибудь забредет туда и бросит в ящик посылку или деньги. Он был великолепным акробатом; несмотря на свой рост, он прыгал, как кузнечик, и лазал по деревьям не хуже обезьяны. Вот почему, выйдя в погоню за ним, Валантэн прекрасно понимал, что в данном случае найти преступника — еще далеко не все.

Но как его хотя бы найти? Об этом и думал теперь прославленный сыщик.

рис. Роберта Раевского

Фламбо маскировался ловко, но одного он скрыть не мог — своего огромного роста. Если бы меткий взгляд Валантэна остановился на высокой зеленщице, бравом гренадере или даже статной герцогине, он задержал бы их немедленно. Но все, кто попадался ему на пути, походили на переодетого Фламбо не больше, чем кошка — на переодетую жирафу. На пароходе он всех изучил; в поезде же с ним ехали только шестеро: коренастый путеец, направлявшийся в Лондон; три невысоких огородника, севших на третьей станции; миниатюрная вдова из эссекского местечка и совсем низенький священник из эссекской деревни. Дойдя до него, сыщик махнул рукой и чуть не рассмеялся. Маленький священник воплощал самую суть этих скучных мест: глаза его были бесцветны, как Северное море, а при взгляде на его лицо вспоминалось, что жителей Норфолка зовут клецками. Он никак не мог управиться с какими-то пакетами. Конечно, церковный съезд пробудил от сельской спячки немало священников, слепых и беспомощных, как выманенный из земли крот. Валантэн, истый француз, был суровый скептик и не любил попов. Однако он их жалел, а этого пожалел бы всякий. Его большой старый зонтик то и дело падал; он явно не знал, что делать с билетом, и простодушно до глупости объяснял всем и каждому, что должен держать ухо востро, потому что везет «настоящую серебряную вещь с синими камушками». Забавная смесь деревенской бесцветности со святой простотой потешала сыщика всю дорогу; когда же священник с грехом пополам собрал пакеты, вышел и тут же вернулся за зонтиком, Валантэн от души посоветовал ему помолчать о серебре, если он хочет его уберечь. Но с кем бы Валантэн ни говорил, он искал взглядом другого человека — в бедном ли платье, в богатом ли, в женском или мужском, только не ниже шести футов. В знаменитом преступнике было шесть футов четыре дюйма¹.

Как бы то ни было, вступая на Ливерпул-стрит, он был уверен, что не упустил вора. Он зашел в Скотланд-Ярд, назвал свое имя и договорился о помощи, если она ему понадобится, потом закурил новую сигару и отправился бродить по Лондону. Плутая по улочкам и площадям к северу от станции Виктория, он вдруг остановился. Площадь — небольшая и чистая — поражала внезапной тишиной; есть в Лондоне такие укромные уголки. Строгие дома, окружавшие ее, дышали достатком, но казалось, что в них никто не живет; а в центре — одиноко, словно остров в Тихом океане, — зеленел посаженный кустами газон. С одной стороны дома были выше, словно помост в конце зала, и ровный их ряд, внезапно и очень по-лондонски, разбивала витрина ресторана. Этот ресторан как будто бы забрел сюда из Сохо; все привлекало в нем — и деревья в кадках, и белые в лимонную полоску шторы. Дом был по-лондонски узкий, вход находился очень высоко, и ступеньки поднимались круто, словно пожарная лестница. Валантэн остановился, закурил и долго глядел на полозатые шторы.

Самое странное в чудесах то, что они случаются. Облачка собираются вместе в неповторимый рисунок человеческого глаза. Дерево изгибается вопросительным знаком как раз тогда, когда вы не знаете, как

¹ Хук ван Холланд — аванпорт голландского города Роттердама, связанный с ним каналом.

¹ Шесть футов четыре дюйма — 1 м. 93 см.

вам быть. И то и другое я видел на днях. Нельсон гибнет в миг победы, а некий Уильямс убивает случайно Уильямсона (похоже на сыноубийство!). Коротко говоря, в жизни, как и в сказках, бывают совпадения, но прозаические люди не принимают их в расчет. Как заметил некогда Эдгар По, мудрость должна полагаться на непредвиденное.

Аристид Валантэн был истый француз, а французский ум — это ум, и ничего больше. Он не был «мыслящей машиной»; ведь эти слова — неумное порождение нашего бескрылого фатализма: машина потому и машина, что не умеет мыслить. Он был мыслящим человеком, и мыслил он здраво и трезво. Своими похожими на колдовство победами он был обязан тяжелому труду, простой и ясной французской мысли. Французы будоражат мир не парадоксами, а общими местами. Они облачают прописные истины в плоть и кровь — вспомним их революцию. Валантэн знал, что такое разум, и потому знал границы разума. Только тот, кто ничего не мыслит в машинах, попытается ехать без бензина; только тот, кто ничего не смыслит в разуме, попытается размышлять без твердой, неоспоримой основы. Сейчас основы не было. Он упустил Фламбо в Норвиче, а здесь, в Лондоне, тот мог принять любую личину и оказаться кем угодно, от верзилы-оборванца в Уимблдоне до атлета-кутилы в отеле «Метрополь».

Когда Валантэн ничего не знал, он применял свой метод. Он полагался на непредвиденное. Если он не мог идти разумным путем, он тщательно и скрупулезно действовал вопреки разуму. Он шел не туда, куда следует, — не в банки, полицейские участки, значные места, а туда, куда не следует: стучался в пустые дома, сворачивал в тупики, лез в переулки через горы мусора, огибал любую площадь, петлял. Свои безумные поступки он объяснял весьма разумно. Если у вас есть ключ, говорил он, этого делать не стоит; но если ключа нет — делайте только так. Любая странность, зацепившая внимание сыщика, могла зацепить и внимание преступника. С чего-то надо начать: почему же не начать там, где мог остановиться другой? В крутизне ступенек, в тихом уюте ресторана было что-то необычное. Романтическим нюхом сыщика Валантэн почуял, что тут стоит остановиться. Он взбежал по ступенькам, сел у окна и спросил черного кофе.

Было позднее утро, а он еще не завтракал. Остатки чужой еды на столиках напомнили ему, что он проголодался; он заказал яйцо всмятку и рассеянно положил в кофе сахар, думая о Фламбо. Он вспомнил, как тот использовал для побега то ножницы, то пожар, то доплатное письмо без марки, а однажды собрал толпу к телескопу, чтоб смотреть на мнимую комету. Валантэн считал себя не глупее Фламбо и был прав. Но он прекрасно понимал невыгоды своего положения. «Преступник — творец, сыщик — критик», — сказал он, кисло улыбнулся, поднес чашку к губам и быстро опустил. Кофе был соленый.

Он посмотрел на вазочку, из которой брал соль. Это была сахарница, предназначенная для сахара, точно так же, как бутылка предназначена для вина. Он удивился, что здесь держат в сахарницах соль, и посмотрел, нет ли где солонки. На столе стояли две, полные доверху. Может, и с ними не все в порядке? Он попробовал: в них был сахар. Тогда он окинул вспыхнувшим взглядом другие столики — не проявился ли в чем-нибудь и там изысканный вкус шутника, переменившего местами соль и сахар? Все было опрятно и приветливо, если не считать темного пятна на светлых обоях. Валантэн кликнул лакея.

Растрепанный и сонный лакей подошел к столику, и сыщик (ценивший простую, незамысловатую шутку) предложил ему попробовать сахар и сказать, соответствует ли он репутации заведения. Лакей попробовал, охнул и проснулся.

— Вы всегда шутите так тонко? — спросил Валантэн. — Вам не приелся этот розыгрыш?

Когда ирония дошла до лакея, тот, сильно запинаясь, заверил, что ни у него, ни у хозяина и в мыслях не было ничего подобного. Вероятно, они просто ошиблись. Он взял сахарницу и осмотрел ее; взял солонку и осмотрел ее, удивляясь все больше и больше. Наконец он быстро извинился, убежал и привел хозяина. Тот тоже обследовал сахарницу и солонку и тоже удивился.

Вдруг лакей захлебнулся словами.

— Я вот что думаю, — затараторил он. — Я думаю, это те священники.

— Какие священники?

— Те, двое, — пояснил лакей. — Которые стену супом облили.

— Облили стену супом? — переспросил Валантэн, думая, что это итальянская поговорка.

— Вот, вот, — волновался лакей, указывая на тем-

ное пятно. — Взяли и плеснули.

Валантэн взглянул на хозяина, и тот дал более подробный отчет.

— Да, сэр, — сказал он. — Так оно и было, только сахар и соль тут, наверно, ни при чем. Совсем рано, мы только шторы подняли, сюда зашли два священника и заказали бульон. Люди вроде бы тихие, приличные. Высокий расплатился и ушел, а другой собирал свертки, он какой-то был неповоротливый. Потом он тоже пошел к дверям и вдруг схватил чашку и вылил суп на стену. Я был в задней комнате. Выбегаю — смотрю: пятно, а священника нет. Убыток небольшой, но ведь какая наглость! Я побежал за ним, да не догнал, они свернули на Карстейр-стрит.

Валантэн уже вскочил, надел шляпу и стиснул трость. Он понял: во тьме неведения надо идти туда, куда направляет вас первый указатель, каким бы странным он ни был. Еще не упали на стол монеты, еще не хлопнула стеклянная дверь, а сыщик уже свернул за угол и побежал по улице.

К счастью, даже в такие отчаянные минуты он не терял холодной зоркости. Пробегая мимо какой-то лавки, он заметил в ней что-то странное и вернулся. Лавка оказалась зеленой; на открытой витрине были разложены овощи и фрукты, а над ними торчали ярлычки с ценами. В самых больших ячейках высилась груда орехов и пирамида мандаринов. Надпись над орехами — синие крупные буквы на картонном поле — гласила: «Лучшие мандарины. Две штуки за пенни»; надпись над мандаринами: «Лучшие бразильские орехи. Четыре пенса фунт». Валантэн прочитал и подумал, что совсем недавно встречался с подобным юмором. Обратившись к краснолицему зеленщику, который довольно угрюмо смотрел вдаль, он привлек его внимание к прискорбной ошибке. Зеленщик не ответил, но тут же переставил ярлычки. Сыщик, небрежно опираясь на трость, продолжал разглядывать витрину. Наконец он спросил:

— Простите за нескромность, сэр, нельзя ли задать вам вопрос из области экспериментальной психологии и ассоциации идей?

Багровый лавочник грозно взглянул на него, но Валантэн продолжал, весело помахивая тростью:

— Почему переставленные ярлычки на витрине зеленщика напоминают нам о священнике, прибывшем на праздники в Лондон? Или — если я выражаюсь недостаточно ясно — почему орехи, поименованные мандаринами, таинственно связаны с двумя духовными лицами, повыше ростом и пониже?

Глаза зеленщика полезли на лоб, как глаза улитки; казалось, он вот-вот кинется на нахала. Но он сердито проворчал:

— А ваше какое дело? Может, вы с ними заодно? Так вы им прямо скажите: попы они там или кто, а рассыплют мне опять яблоки — кости переломаю!

— Правда? — посочувствовал сыщик. — Они рассыпали ваши яблоки?

— Это все тот, коротенький, — разволновался зеленщик. — Прямо по улице покатались. Пока я их подбирал, он и ушел.

— Куда? — спросил Валантэн.

— Налево, за второй угол. Там площадь, — быстро сообщил зеленщик.

— Спасибо, — сказал Валантэн и упорхнул, как фея.

За вторым углом налево он пересек площадь и бросил полисмену:

— Срочное дело, констебль. Не видели двух паверов?

Полисмен засмеялся басом.

— Видел, — сказал он. — Если хотите знать, сэр, один был пьяный. Он стал посреди дороги и...

— Куда они пошли? — резко спросил сыщик.

— Сели в омнибус, — ответил полицейский. — Из этих, желтых, которые идут в Хэмстед.

Валантэн вынул карточку, быстро сказал: «Пришлите двоих, пусть идут за мной!» — и ринулся вперед так стремительно, что могучий полисмен волевым поспешил выполнить его приказ. Через минуту, когда сыщик стоял на другой стороне площади, к нему присоединился инспектор и человек в штатском.

— Итак, сэр, — важно улыбаясь, начал инспектор, — чем мы можем...

Валантэн выбросил вперед трость.

— Я отвечу вам на имперiale вон того омнибуса, — сказал он и нырнул в гущу машин и экипажей.

Когда все трое, тяжело дыша, уселись на верхушке желтого омнибуса, инспектор сказал:

— В такси мы бы доехали в четыре раза быстрее.

— Конечно, — согласился предводитель. — Если бы мы знали, куда едем.

— А куда мы едем? — ошарашенно спросил инспектор.

Валантэн задумчиво курил; потом, вынув изо рта сигару, произнес:

— Когда вы знаете, что делает преступник, забегайте вперед. Но если вы только гадаете — идите за ним. Блуждайте там, где он; останавливайтесь, где он; не обгоняйте его. Тогда вы увидите то, что он видел, и сделаете то, что он сделал. Нам остается одно: подмечать все странное.

— В каком именно роде? — спросил инспектор.

— В любом, — ответил Валантэн и надолго замолчал.

Желтый омнибус полз по северной части Лондона. Казалось, что прошли часы; великий сыщик ничего не объяснял, помощники его молчали, и в них росло сомнение. Быть может, рос в них и голод, — давно миновала пора второго завтрака, а длинные улицы северных кварталов вытягивались одна за другой, словно колена какой-то жуткой подзорной трубы. Все мы помним такие поездки — вот-вот покажется край света, но показывается только Тефнел-парк. Лондон исчезал, рассыпался на грязные лачуги, кабачки и хилые пустыри и снова возникал в огнях широких улиц и фешенебельных отелей. Казалось, едешь сквозь тринадцать городов. Впереди сгущался холодный сумрак, но сыщик молчал и не двигался, пристально вглядываясь в мелькающие мимо улицы. Когда Кэмден-таун остался позади, полицейские уже клевали носом. Вдруг они очнулись: Валантэн вскочил, схватил их за плечи и крикнул кучеру, чтобы тот остановился.

В полном недоумении они скатились по ступенькам и, оглядевшись, увидели, что Валантэн победно указывает на большое окно по левую руку от них. Окно это украшало сверкающий фасад большого, как дворец, отеля; здесь был обеденный зал ресторана, о чем и сообщала вывеска. Все окна в доме были из матового узорного стекла; но в середине этого окна, словно звезда во льду, зияла дырка.

— Наконец! — воскликнул Валантэн, потрясая тростью. — Разбитое окно! Вот он, ключ!

— Какое окно? Какой ключ? — рассердился полицейский. — Чем вы докажете, что это связано с ними?

От злости Валантэн чуть не сломал бамбуковую трость.

— Чем докажу! — вскричал он. — О, господи! Он ищет доказательств! Скорей всего, это никак не связано. Но что ж нам еще делать? Неужели вы не поняли, что нам надо хвататься за любую, самую невероятную случайность или идти спать?

Он ворвался в ресторан; за ним вошли и полиомены. Все трое уселись за столик и принялись за поздний завтрак, поглядывая то и дело на звезду в стекле. Надо сказать, и сейчас она мало что объясняла.

— Вижу, у вас окно разбито, — сказал Валантэн лакею, расплачиваясь.

— Да, сэр, — ответил лакей, озабоченно подсчитывая деньги. Чаевые были немалые, и, выпрямившись, он явно оживился. — Вот именно, сэр, — сказал он. — Ну и дела, сэр!

— А что такое? — небрежно спросил сыщик.

— Пришли к нам тут двое, священники, — поведал лакей. — Сейчас их много понаехало. Ну, позатракали они, один заплатил и пошел. Другой чего-то возится. Смотрю — завтрак-то был дешевый, а заплатили чуть не вчетверо. Я говорю: «Вы лишнее дали», — а он остановился на пороге и так это спокойно говорит: «Правда?» Взял я счет, хотел ему показать и чуть не свалился.

— Почему? — спросил сыщик.

— Я бы чем хотите поклялся, в счете было четыре шиллинга. А тут смотрю — четырнадцать, хоть ты тресни.

— Так! — вскричал Валантэн, медленно поднимаясь на ноги. Глаза его горели. — И что же?

— А он стоит себе в дверях и говорит: «Простите, перепутал. Ну, это будет за окно». — «Какое такое окно?» — говорю. «Которое я разобью», — и трах зонтиком!

Слушатели вскрикнули, а инспектор тихо спросил:

— Мы что, гонимся за сумасшедшим?

Лакей продолжал, смакуя смешную историю:

— Я так и сел, ничего не понимаю. А он догнал того, высокого, свернули они за угол — и как побегут по Баллок-стрит! Я за ними со всех ног, да куда там — ушли!

— Баллок-стрит! — крикнул сыщик и понесся по улице так же стремительно, как таинственная пара, за которой он гнался.

Теперь преследователи быстро шли меж голых кирпичных стен, как по туннелю. Здесь было мало фонарей и освещенных окон; казалось, что все на

свете повернулось к ним спиной. Сгущались сумерки, и даже лондонскому полисмену нелегко было понять, куда они спешат. Инспектор, однако, не сомневался, что рано или поздно они выйдут к Хэмстедскому Лугу. Вдруг в синем сумраке, словно иллюминатор, сверкнуло выпуклое освещенное окно, и Валантэн остановился за шаг до лавчонки, где торговали сластями. Поколебавшись секунду, он нырнул в разноцветный мирок кондитерской, подошел к прилавку и со всей серьезностью отобрал тринадцать шоколадных сигар. Он обдумывал, как перейти к делу, но это ему не понадобилось.

Костлявая женщина — старообразная, хотя и нестарая — смотрела с тупым удивлением на элегантного пришельца; но, увидев в дверях синюю форму инспектора, очнулась и заговорила.

— Вы, наверно, за пакетом? — спросила она. — Я его отослала.

— За пакетом?! — повторил Валантэн; пришел черед и ему удивляться.

— Ну, который тот мужчина оставил, — священник, что ли.

— Ради бога! — воскликнул Валантэн и подался вперед; его пылкое нетерпение прорвалось наконец наружу. — Ради бога, расскажите подробно!

— Ну, — не совсем уверенно начала женщина, — зашли сюда священники, это уже будет с полчаса. Купили мятных лепешек, поговорили про то про се и пошли к Лугу. Вдруг один бежит: «Я пакета не оставлял?» Я туда, сюда — нигде нету. А он говорит: «Ладно. Найдете — пошлите вот по такому адресу». И дал мне этот адрес и еще шиллинг за труды. Вроде бы все обшарила, а ушел он, — глядь! — пакет лежит. Ну, я его и послала, не помню уж куда, где-то в Вестминстере. А сейчас я и подумала: наверное, в этом пакете что-то важное, вот полиция за ним и пришла.

— Так и есть, — быстро сказал Валантэн. — Ближе тут Луг?

— Прямо идти минут пятнадцать, — сказала женщина. — К самым воротам выйдете.

Валантэн выскочил из лавки и понесся вперед. Полисмены неохотно трусили за ним.

Узкие улицы предместья лежали в тени домов, и, вынырнув на большой пустырь, под открытое небо, преследователи удивились, что сумерки еще так прозрачны и светлы. Круглый купол синевато-зеленого неба отсвечивал золотом меж черных стволов и в темно-лиловой дали. Зеленый светящийся сумрак быстро сгущался, и на небе проступали редкие кристаллики звезд. Последний луч солнца мерцал, как золото, на вершинах холмов, венчавших излюбленное лондонцами место, что зовется Долиной Здоровья. Праздные горожане еще не совсем разбрелись — на скамейках темнели распыльчатые силуэты пар, а где-то вдалеке вскрикивали на качелях девицы. Величие небес осеняло густеющей синью величие человеческой пошлости. И, глядя сверху на Луг, Валантэн увидел наконец то, что искал.

Вдалеке чернели и расставались пары; одна из них была чернее всех и держалась вместе. Два человека в черных сутанах уходили вдаль. Они были не крупнее жуков; но Валантэн увидел, что один много ниже другого. Высокий шел смиренно и чинно, как подобает ученому клирику, но было видно, что в нем больше шести футов. Валантэн сжал зубы и ринулся вниз, рьяно вращая тростью. Когда расстояние сократилось и двое в черном стали видны четко, как в микроскоп, он заметил еще одну странность, которая и удивила его и не удивила. Кем бы ни был высокий, маленького Валантэн узнал: то был его попутчик по купе, неуклюжий священник из Эссекса, которому он посоветовал смотреть получше за своими свертками.

Пока что все сходилось. Сыщику сказали, что некий Браун из Эссекса везет в Лондон серебряный, украшенный сапфирами крест, — драгоценную реликвию, которую покажут иностранному клиру. Это и была, конечно, «серебряная вещь с камушками», а Браун, без сомнения, был тот растяпа из поезда. То, что узнал Валантэн, прекрасно мог узнать и Фламбо — Фламбо обо всем узнавал. Конечно, пронохав про крест, Фламбо захотел украсть его — это проще простого. И уж совсем естественно, что Фламбо легко обвел вокруг пальца священника со свертками и зонтиком. Такую овцу кто угодно мог бы затащить хоть на Северный полюс, так что Фламбо — блестящему актеру — ничего не стоило затащить его на этот Луг. Покуда все было ясно. Сыщик пожалел беспомощного патера и чуть не презирал Фламбо, опустившегося до такой доверчивой жертвы. Но что означали странные события, приведшие к победе его самого? Как ни думал он, как ни бился — смысла в них не было. Где связь между кражей креста и пятном супа на обоях? Перепутанными ярлычками? Платой вперед за разбитое окно? Он пришел к концу пу-

ти, но упустил середину. Иногда, хотя и редко, Валантэн упускал преступника; но ключ находил всегда. Сейчас он настиг преступника, но ключа у него не было.

Священники полезли по зеленому склону холма, как черные мухи. Судя по всему, они беседовали и не замечали, куда идут; но шли они в самый дикий и тихий угол Луга. Преследователям пришлось принимать те недостойные позы, которые принимает охотник, выслеживающий дичь: они перебежали от дерева к дереву, крались и даже ползли по густой траве. Благодаря этим неуклюжим маневрам, охотники подошли совсем близко к дичи и слышали уже голоса, но слов не разбирали, кроме слова «разум», которое повторял то и дело высокий детский голос. Вдруг путь им преградили заросли над обрывом; сыщики потеряли след и плутали минут десять, пока, обогнув гребень круглого, как купол, холма, не увидели в лучах заката прелестную и тихую картину. Под деревом стояла ветхая скамья; на ней сидели, серьезно беседуя, священники. Зеленый и золото еще сверкали у темнеющего горизонта, сине-зеленый купол неба становился зелено-синим, и звезды сверкали ярко, как крупные бриллианты. Валантэн сделал знак своим помощникам, подкрался к большому ветвистому дереву и, стоя там в полной тишине, услышал наконец, о чем говорили странные священнослужители.

Он слушал минуту-другую, и бес сомнения обуял его. А что, если он зря затащил английских полисменов в дальний угол темнеющего парка? Священники беседовали именно так, как должны беседовать священники, — благочестиво, степенно, учено о самых бестелесных тайнах богословия. Маленький патер из Эссекса говорил проще, обратив круглое лицо к разгорающимся звездам. Высокий сидел, опустив голову, словно считал, что недостойн на них взглянуть. Беседа их была невинней невинного; ничего более возвышенного не услышишь в белой итальянской обители или в черном испанском соборе.

Первым донесся конец фразы отца Брауна:

— ...то, что имели в виду средневековые схоласты, когда говорили о несокрушимости небес.

Высокий священник кивнул склоненной головой.

— Да, — сказал он, — безбожники зывают теперь к разуму. Но кто, глядя на эти мириады миров, не почувствует, что там, над нами, могут быть Вселенные, где разум неразумен?

— Нет, — сказал отец Браун, — разум разумен везде.

Высокий поднял суровое лицо к усеянному звездами небу.

— Кто может знать, есть ли в безграничной Вселенной... — снова начал он.

— У нее нет пространственных границ, — сказал маленький и резко повернулся к нему, — но за границы нравственных законов она не выходит.

Валантэн сидел за деревом и молча грыз ногти. Ему казалось, что английские сыщики хихикают над ним — ведь это он затащил их в такую даль, чтобы послушать философскую чушь двух тихих пожилых священников. От злости он пропустил ответ высокого и услышал только отца Брауна.

— Истина и разум царят на самой далекой, самой пустынной звезде. Посмотрите на звезды. Правда, они как алмазы и сапфиры? Так вот, представьте себе любые растения и камни. Представьте алмазные леса с бриллиантовыми листьями. Представьте, что луна — синяя, сплошной огромный сапфир. Но не думайте, что все это хоть на йоту изменит закон разума и справедливости. На опаловых равнинах, среди жемчужных утесов вы найдете все ту же заповедь: «Не укради».

Валантэн собрался было встать — у него затекло все тело — и уйти потише; в первый раз за свою жизнь он сморозил такую глупость. Но высокий молчал, как-то странно, и сыщик прислушался. Наконец тот сказал совсем просто, еще ниже опустив голову и сложив руки на коленях:

— А все же я думаю, что другие миры могут подняться выше нашего разума. Неисповедима тайна небес, и я склоняю голову. — И, не поднимая головы, не меняя интонации, прибавил: — Давайте-ка сюда этот крест. Мы тут одни, и я вас могу распотрошить, как чучело.

Оттого что он не менял ни позы, ни тона, эти слова прозвучали еще страшнее. Но хранитель святыни почти не шевельнулся; его глуповатое лицо было обращено к звездам. Может быть, он не понял или окаменел от страха.

— Да, — все так же тихо сказал высокий, — да, я Фламбо. — Помолчал и прибавил: — Ну, отдадите вы крест?

— Нет, — сказал Браун, и односложное это слово странно прозвенело в тишине.

И тут с Фламбо слетело напускное смирение. Великий вор откинулся на спинку скамьи и засмеялся негромко, но грубо.

— Не отдадите! — сказал он. — Еще бы вы отдали! Еще бы вы мне его отдали, простак-холостяк! А знаете почему? Потому что он у меня в кармане.

Маленький сельский священник повернул к нему лицо — даже в сумерках было видно, как он растерян, — и спросил взволнованно и робко, словно подчиненный:

— Вы... вы уверены?

Фламбо взвыл от восторга.

— Ну, с вами театра не надо! — закричал он. — Да, достопочтенная брюква, уверен! Я догадался сделать фальшивый пакет. Так что теперь у вас бумага, а у меня — камешки. Старый прием, отец Браун, очень старый прием.

— Да, — сказал отец Браун и все так же странно, несмело пригладил волосы, — я о нем слышал.

Король преступников наклонился к нему с внезапным интересом.

— Кто? Вы? — спросил он. — От кого ж это вы могли слышать?

— Я не вправе назвать вам его имя, — просто сказал Браун. — Понимаете, он каялся. Он жил этим лет двадцать — подменивал свертки и пакеты. И вот, когда я вас заподозрил, я вспомнил про него, беднягу.

— Заподозрили? — повторил преступник. — Вы что, действительно догадались, что я вас не зря тащу в такую глушь?

— Ну да, — виновато сказал Браун. — Я вас сразу заподозрил. Понимаете, у вас запястье изуродовано, это от наручников.

— А, черт! — заорал Фламбо. — Вы-то откуда знаете про наручники?

— От прихожан, — ответил Браун, кротко поднимая брови. — Когда я служил в Хартпуле, там у двоих были такие руки. Вот я вас и заподозрил и решил, понимаете, спасти крест. Вы уж простите, я за вами следил. В конце концов я заметил, что вы подменили пакет. Ну, а я подменил его снова и настоящий отослал.

— Отослали? — повторил Фламбо, и в первый раз его голос звучал не только победой.

— Да, отослал, — спокойно продолжал священник. — Я вернулся в лавку и спросил, не оставил ли я пакета. И дал им адрес, куда его послать, если он найдется. Конечно, сначала я его не оставил, а потом оставил. А она не побежала за мной и послала его прямо в Вестминстер, моему другу. Этому я тоже научился от того бедняги. Он так делал с сумками, которые крал на вокзалах. Сейчас он в монастыре. Знаете, в жизни многому научишься, — закончил он, виновато почесывая за ухом. — Что ж нам, священникам, делать? Приходят, рассказывают...

Фламбо уже выхватил пакет из внутреннего кармана и рвал его в клочья. Там не было ничего, кроме бумаги и кусочков свинца. Потом он вскочил, взмахнув огромной рукой, и заорал:

— Не верю! Я не верю, что такая тыква может все это обстрелять! Крест у вас! Не дадите — отберу. Мы одни.

— Нет, — просто сказал отец Браун и тоже встал. — Вы его не отберете. Во-первых, его действительно нет. А во-вторых, мы не одни.

Фламбо замер на месте.

— За этим деревом, — сказал отец Браун, — два сильных полисмена и лучший в мире сыщик. Вы спросите, зачем они сюда пришли? Я их привел. Как? Что ж, я скажу, если хотите. Господи, когда работаешь в трущобах, приходится знать много таких штук! Понимаете, я не был уверен, что вы вор, и не хотел оскорблять своего брата священника. Вот я и стал вас испытывать. Когда человеку дадут соленый кофе, он обычно сердится. Если же он терпит, значит, он боится себя выдать. Я насыпал в сахарницу соль, а в солонку — сахар, и вы стерпели. Когда счет гораздо больше, чем надо, это, конечно, вызывает недоумение. Если человек по нему платит, значит, он хочет избежать скандала. Я приписал единицу, и вы заплатили.

Казалось, Фламбо вот-вот кинется на него, словно тигр. Но вор стоял как зачарованный — он хотел понять.

— Ну вот, — с тяжеловесной дотошностью объяснял отец Браун. — Вы не оставляли следов, — кому-то надо же было их оставить. Всюду, куда мы заходили, я делал что-нибудь такое, чтобы о нас толковали весь день. Я не причинял большого вреда — облил супом стену, рассыпал яблоки, разбил окно, — но крест я спас. Сейчас он в Вестминстере. Странно, что вы не пустили в ход ослиный свисток.

- Чего я не сделал?
 — Как хорошо, что вы о нем не слышали! — просил священник. — Это плохая штука. Я знал, что вы не опуститесь так низко. Тут бы мне не помогли даже пятна — я слабоват в коленках.
 — Что вы несете? — спросил Фламбо.
 — Ну уж про пятна-то, я думал, вы знаете! — обрадовался Браун. — Значит, вы еще не очень испорчены.
 — А вы-то откуда знаете всю эту гадость? — воскликнул Фламбо.
 — Наверное, потому, что я простак-холостяк, — сказал Браун. — Вы никогда не думали, что человек, который все время слушает о грехах, должен хоть немного знать мирское зло? Правда, не только прак-

тика, но и теория моего дела помогла мне понять, что вы не священник.

— Какая еще теория? — спросил изнемогающий Фламбо.

— Вы нападали на разум, — ответил Браун. — У священников это не принято.

Он повернулся, чтобы взять свои вещи, и три человека вышли в сумерках из-за деревьев. Фламбо был талантлив и знал законы игры: он отступил назад и низко поклонился Валантэну.

— Не мне кланяйтесь, топ ами¹, — сказал Валантэн серебряно-звонким голосом. — Поклонимся оба тому, кто нас превзошел.

И они стояли, обнажив головы, пока маленький сельский священник шарил в темноте, пытаясь найти зонтик.

РАСПИСАНИЕ БОГОСЛУЖЕНИЙ ХРАМА ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ

ДЕКАБРЬ

- 3 Суббота, 6.30 веч. — Всенощное бдение
 4 Воскресение, 11.00 утра — Божественная Литургия
 5 Понедельник, 5.30 веч. — Всенощное бдение. Св. Николай
 6 Вторник 10.00 утра — Божественная Литургия
 7 Среда 6.30 веч. — Библийские курсы
 10 Суббота 6.30 веч. — Всенощное бдение
 11 Воскресение 11.00 утра — Божественная Литургия
 14 Среда 6.30 веч. — Библийские курсы
 17 Суббота 6.30 веч. — Всенощное бдение
 18 Воскресение 11.00 утра — Божественная Литургия
 21 Среда 6.30 веч. — Библийские курсы

РОЖДЕСТВО ГОСПОДА НАШЕГО ИИСУСА ХРИСТА

- 23 Пятница 10.00 утра. Царские часы (по-английски)
 6.00 веч. Всенощное бдение (навечение Рождества)
 (по-славянски)
 24 Суббота 10.00 утра (Сочельник) Литургия Св. Иоанна Злат
 (по-английски)
 6.00 веч. Рождественское Всенощное бдение
 (по-славянски)
 10.30 Рождественское Всенощное бдение
 (по-английски)
 25 Воскресенье 00.00 (Полночь) Божественная Литургия Рождества
 (по-английски)
 11.00 утра Рождественская Божественная Литургия
 Св. Василия Великого (по-славянски)
 13.00 Праздничная трапеза
 31 Суббота 6.30 веч. Всенощное бдение

ЯНВАРЬ

- 1 Воскресение 11.00 утра Божественная Литургия. Новогодний молебен

БОГОЯВЛЕНИЕ

- 5 Четверг 6.30 веч. Всенощное бдение. Великое освящение вод
 6 Пятница 10.00 утра. Божественная Литургия. Освящение вод
 7 Суббота 10.00 утра. Божественная Литургия в больнице Берд
 6.30 веч. Всенощное бдение
 8 Воскресение 11.00 утра. Божественная Литургия
 11 Среда 6.30 веч. Библийские курсы
 14 Суббота 6.30 веч. Всенощное бдение
 15 Воскресение 11.00 утра. Божественная Литургия
 18 Среда 6.30 веч. Библийские курсы
 21 Суббота 6.30 веч. Всенощное бдение
 22 Воскресение 11.00 утра. Божественная Литургия
 25 Среда 6.30 веч. Библийские курсы
 28 Суббота 6.30 веч. Всенощное бдение
 29 Воскресение 11.00 утра Божественная Литургия

ПЛАСТИНКИ НАШИХ ПРИХОЖАН

Прихожане храма Христа Спасителя Дэйна и Сю Талли недавно выпустили свою вторую пластинку духовных песнопений и оперных арий "Незабываемая музыка" ("SSF/SMusic To Remember"). Первая пластинка "Господь — просвещение мое" ("The Lord Is My Light") тоже является собранием американских духовных песнопений. Дэйна Талли, лауреат нескольких музыкальных конкурсов, был солистом в Метрополитен опере с 1979 года по весну 1983 года. Аккомпанирующая ему на пластинках его жена Сюзен Талли — магистр музыки, Дэйна и Сю много концертируют в Соединенных Штатах и в Европе. Пластинки и кассеты можно заказать прямо у них.

Стоимость каждой пластинки 7.00 долларов.

Заказы с чеками посылать по адресу:

Dana and Sue Talley
 159-34 Riverside Drive West, apt, 2K
 New York, N. Y. 10032.

АНРИ ВОЛОХОНСКИЙ
"РОМАН-ПОКОЙНИЧЕК"

Фантастическое произведение о распаде Советской империи
 Цена 10.00 долларов с пересылкой 11.00 долл.

заказы с чеками присылать по адресу:

Larissa Pevear, 313 W 107 St. N.Y., N.Y. 10025

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ
СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ
АНРИ ВОЛОХОНСКОГО

Самое полное собрание стихов Волохонского
 в скором времени выйдет в издательстве
 "ЭРМИТАЖ"

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ "ПУТЬ"
Издается 6 раз в год при храме Христа Спасителя
340 Ист Семьдесят первая улица. Нью-Йорк, Нью-Йорк 10021
По благословию преосвященного Петра, епископа Нью-Йоркского и
Нью-Джерсийского

РЕДАКТОР О. МИХАИЛ АКСЕНОВ МЕЕРСОН

Orthodox Almanac PUT'
Published 6 times a year in Russian by Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71-st. St., New York, N.Y. 10021
With blessing of the Right Reverend Peter
Bishop of New York and New Jersey

Orthodox Church in America
Rev. Michael Aksionov Meerson. Editor
Nadejda Emelkin Circulation Director

Christ the Savior Orthodox Church
340 East 71 st Str.
New York, N.Y. 10021
PUT

NON-PROFIT ORG.
U.S. Postage
PAID
New York, N.Y.
Permit No 5660

Прошу выслать альманах "ПУТЬ"
по адресу : (по-английски, печатными буквами)

Имя и фамилия

Адрес

Цена одного номера	1 доллар 40 центов
Цена подписки на год (в США и Канаде)	9 долларов
В других странах	14 долларов
В целях поддержки	20 долларов
Воздушной почтой	дополнительно 5 долларов

Subscription rates in USA and Canada – \$ 9.00
in foreign countries – \$ 14.00
Airmail – additional charge \$ 5.00
Supporting rates – \$ 20.00

Заполните и пошлите бланк с чеком или мани-ордером по адресу:
ALMANAC PUT' – Russian Orthodox Church of Christ the Saviour, 340 East
71 st Str New York N.Y, 10021